

Алекс Треков

ПРАВИЛО ЛОМА

Алекс Греков

Правило лома

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24066721
SelfPub;*

Аннотация

Кто бы мог подумать, что журналисту Александру придется расследовать убийство бывшей жены в компании с ее бывшим любовником – стриптизером и альфонсом Вовой?.. А когда к делу подключаются агенты разных спецслужб, шейх – бывший кинорежиссер и его племянник – мафиози, становится и вовсе весело...

Алекс Греков

Правило лома

Алекс Греков

Детективное агентство «Лом»

– Саша!..

– Саша!..

Жалобный голос раздавался из тёмного угла подземного гаража.

Озираясь, оттуда, из сумрака, вышел мужик. Голый... Так и есть – Вова!..

Вовочка, как бы это поприличнее выразиться, был любовником моей экс-жены Люськи... А подобная одежда, вернее, её полное отсутствие, – его обычное состояние. Только вот с полчаса назад его, вернее, то, что от него осталось, я опознавал в морге. Как и свою бывшую... Кто-то застрелил их в *тот самый* момент. Большие мальчики и девочки меня уже поняли.

Прямо как принцу датскому, призраки невинно убиенных являются. Что-то рановато... Сейчас он откроет мне страшную тайну, кто же застрелил его, родимого...

– А я тебя только что в морге видел...

Господи, как можно было такую глупость ляпнуть!

И без того чумово выглядевший Вова ошалел окончательно-

но.

– Не... Это Игорёк. Он был новым... новым мальчиком Люси, то есть Людмилы Михайловны...

Общение на уровне «поговорить» никогда не было сильной стороной Вовы. А оно ему надо? Атлетически сложен, красавец, вот и подвязался стриптизёром в ночном клубе, где соблазнял богатых тётенок вроде Люськи. По агентурным данным, жил Вова до последнего момента припеваючи.

– Саша... То есть Александр Владимирович, мне страшно, – вдруг захныкал он и... припал лицом к моей груди.

Да, теперь я должен ещё и утешать Люськиных любовников...

Вообще-то, при ближайшем рассмотрении Вова оказался не совсем голым: его наготу прикрывали крохотные плавочки из чёрной сетки. Сзади – лишь тонкий шнурок, терявшийся среди накачанных ягодиц. Трусы, если уж говорить честно, скорее открывали, чем что-то скрывали. Видимо – это его спецовка...

Я утёр бугаю слёзы своим платком:

– Как же тебя домой-то отвести в таком виде?..

Ах да, я же собирался сегодня на дачу! В багажнике лежала сумка с кое-какой одежкой, но размер...

С грехом пополам Вова натянул мои широченные шорты, которые предательски лопнули по шву, а огромная, как я до сих пор считал, футболка сидела на нём в облипочку. Натянув на голову мятую бейсболку, Вова стал напоминать ти-

нейджер-переростка, который не знает, куда деть не в меру длинные руки и ноги.

– Возьми ещё сумку из багажника. В случае чего – ты мой новый массажист.

До квартиры мы добрались без проблем. Соседи в нашем, как гласила реклама у риэлторов, «суперэлитном доме» особым любопытством не отличались.

Вовиной выдержки хватило только до прихожей. Там он первым делом тихо сполз по стенке. И почему большие мальчики такие впечатлительные?

Каких же титанических усилий стоило привести его в чувство! Стуча зубами, дрожа всем телом, Вова всё-таки кое-как доплёлся до ванной – я считал это самым лучшим средством от стресса. Но он ни за что не хотел отпускать меня от себя! Ну, не так же сразу! Не без труда вырвавшись, я на всякий случай принёс из бара коньяк и два бокала.

Всё ещё хныкая, Вовочка лежал в пенной ванне. Хорошая порция коньяка, от которой он, видимо приличия ради, пытался слабо отнекиваться, немного привела юношу в чувство.

– А теперь рассказывай...

Всё оказалось просто до безобразия: Вова решил подзаработать на стороне. Ему уже давно делала намеки Ольга, Люськина подруга, женщина, прямо скажем, красотой не блистающая, зато обеспеченная.

И вот день икс настал. Олин благоверный улетел то ли в

Лондон, то ли в Нью-Йорк, Люська же с утра отправилась к мамочке на дачу.

– Когда мы с Ольгой... ну, в общем...

– Трахались?

– Ага... Вошла Люся, ну, я хотел сказать, Людмила Михайловна...

– Господи, да не поправляйся ты без конца! Как будто я ничего о вас не знаю!

– У неё машина сломалась по дороге, и её, как назло, подобрал Ольгин водитель... В общем, скандал был крутой. Обе тётки как с цепи сорвались – орали друг на друга и вместе – на меня. Люся, прямо как у себя дома, сказала: «Пошёл вон» – и гордо удалилась. Оля... Оля тоже меня выгнала, сказала, подруга, мол, ей дороже... Я подумал: Люся женщина отходчивая, сейчас поорёт, может, пару тарелок разобьёт и успокоится. Не первый же раз...

– Честное слово, Вова, какой же ты кобель!..

Вова насупился:

– Не обзываютесь...

– Ладно, прости, вырвалось. Что дальше-то было?

– Я зашёл в свой клуб, с пацанами поболтал, с пивом немного посидели... Думаю, успокоилась за это время. Пошёл домой. Ну, то есть к Люсе... Захожу – в спальне вроде как телевизор работает. Думаю, щас очки заработаю: пошёл к себе в комнату, разделся, натянул трусы из сетки – они ей очень нравились... Захожу в спальню – а там *они*... Игорёк

вовсю баксы отработывает...

– А Люська тебя видела?..

– Ещё бы! Она-то снизу лежала. И так на меня глянула, типа и без тебя обойдёмся.

– И тут ты решил их грохнуть?!

– Вы чё, Александр Владимирович!

Вова аж подскочил в ванне от возмущения.

– Ладно, не обращай внимания. Это я так. Нервы.

Вова снова улёгся в ванну.

– Нет, я, конечно, хотел сначала этого козла двинуть по башке. Но чтобы совсем убивать... Да и пистолета у меня отродясь не было. Кулаков обычно хватает...

Я с уважением посмотрел на Вовины кулаки.

– Ну и?..

– Я себя полным отстоем почувствовал. Стою, как лох, в прозрачных трусах, а они тут...

– Трахаются... – снова подсказал я.

– Ну да.

– И?..

– Пошёл к себе. Думаю, оденусь, шмотки соберу и к Ольге пойду. Жить-то надо...

Я тактично промолчал.

– А потом, – продолжил Вова, – слышу, звук какой-то странный, вроде – выстрел. Подумал сначала – телевизор. Да нет, вроде, когда заходил в спальню, он не работал. И тут...

Вова снова накуксился.

– Ну, Вова, деточка, успокойся!..

Слово «деточка» произвело на нашего суперлюбовника неизгладимое впечатление. Выскочив из ванны, Вова вновь прильнул к моей груди, намочив рубаху то ли водой, то ли слезами.

Глядя его по коротко стриженным волосам, я и сам был готов пустить слезу: только сейчас до меня дошло, что уже больше никогда взбалмошная Люська не заявится за полночь и мы до утра не будем говорить «за жизнь»...

Вова наконец успокоился.

– И тут слышу – кто-то из спальни выходит. А дверь неплотно прикрыта была. Вижу – мужик. Но не Игорь. Худой какой-то и...

Он покосился на меня.

– И, в общем, старый уже. Я думаю – в шкафу, что ли, сидел?.. А в руках у него – пушка такая здоровая, как в кино...

– С глушителем, что ли?

– Наверное. Я сразу замер и чуть не обделался со страха. А он остановился посреди прихожей, головой покрутил, как собака, и пошёл прямо к моей двери. Ну, всё, думаю, шиздец тебе, Вова, пришёл... В дверь-то он вошёл, тут я его от души в спину и двиганул – он вперёд улетел, а я – жить всем хочется! – дёрнул к входной двери. Выскочил на площадку, в лифт садиться не стал и по лестнице – в гараж. Там, думаю, темно и машин много. Всё-таки есть где спрятаться. Да ещё и нагишом...

– А тебе в голову не пришло настучать этому придурку по тылке и пушку отобрать?..

– Да вы чё, Александр Владимирович, совсем за лоха меня держите? Против лома, как говорится...

Понятно, что спать в эту ночь Вова улёгся со мной, совершенно не беспокоясь о безопасности своего тыла. Так мы и лежали в огромной холостяцкой кровати в обнимку – бывший муж и бывший любовник...

Ночью мне приснился кошмар. Я почему-то лежал в морге, на секционном столе, рядом с убиенным Вовой, который нахально дышал, извергая из дырки в голове свистящие звуки...

В ужасе просыпаюсь, рядом – мирно похрапывающий Вова, носом уткнулся мне в щёку, а своим достоинством – в бедро...

Очнулся я утром от каких-то подозрительных вибраций. «Землетрясение, что ли?» – подумал спросонья. Да ладно, не в Гималаях же живём!

Пол, оказывается, сотрясал Вова, отжимаясь в бешеном темпе.

– А вы зарядку делать не будете? – спросил он невинным голосом.

– Э... ни разу не пробовал. Я уж как-нибудь потом...

Умяв за завтраком неисчислимо много бутербродов, количество которых в английском уже надо обозначать словом «much», Вова стал выведывать у меня планы на предстоящий

день.

– А дома я один ни за что не останусь!..

Доводы, что он, мол, большой и сильный и никого бояться не должен, успеха не возымели. Вова снова принялся хныкать. Вот незадача!..

– Ладно. Будешь типа моим бодигардом.

– Боди кем?!

– Ну, секьюрити, телохранителем...

– А...

– Если я опознал твоё тело, значит, тебя уже вроде как и нет...

– И чё? – испугался Вова.

– Поменяем тебе имидж, оденем, наконец...

– Вы хотите, чтобы я ходил по дому одетым? – по-своему понял мои слова Вова.

– Что ты, что ты!.. – запротестовал я. – Я имею в виду, на улице...

Против смены имиджа Вова ничего не имел. Понятно – при его-то работе надо всегда тщательно за собой следить.

В результате некоторых косметических процедур его чёрные волосы превратились в ослепительно белые. Осветлили мы и брови. На ухо, несмотря на бурные протесты, я ему повесил клипсу, забытую кем-то из мальчиков по вызову.

Разглядывая себя в зеркало, Вова изрёк:

– Прямо пидовка какая-то...

Потом, с испугом глянув на меня, пробормотал:

– Ой, извините...

Рассмеявшись в ответ, я сказал:

– А теперь одевайся!

С тяжёлыми вздохами он вновь натянул трещащие по швам шорты, майку и бейсболку.

До машины мы добрались без приключений, хотя Вова озирался по сторонам и без конца хватал меня за руку.

В магазине к нам тут же подлетел манерный мальчик-продавец:

– Здравствуйте! Ищем что-нибудь особенное? – Он состроил Вове глазки.

Вова набычился и прошипел:

– Вы куда меня притащили?..

– Вова, помни, мы должны кардинально поменять твой имидж!

С похоронным видом он поплёлся за продавцом к вешалкам.

Наконец общими усилиями ему подобрали более-менее подходящий для бодигарда костюм.

Мальчик проводил Вову в примерочную. Через несколько минут из-за занавески высунулась багровая Вовина физиономия.

– Александр Владимирович, он ко мне прижимается!..

– Ладно, потерпи, не переломишься...

Мы ещё прикупили Вове обувь, упаковку носков, а вот от трусов он скромно отказался:

– Не, обычные никогда не ношу!..

– А какие?..

Окрылённый возможностью показать свои таланты, Вова со знанием дела перелопатил товар и выбрал скромненькие чёрные стринги от Кельвина Кляйна. Я сразу заметил, что его внимание привлекают только те шмотки, где на ценнике никак не меньше трёх значащих цифр.

Переодевшись прямо в магазине, Вова превратился в настоящего бодигарда: здорового и молчаливого. Глаза вот только испуганные, но их скрывали непременно для таких ребят тёмные очки.

– Вроде всё. Теперь тебя ни один киллер не узнает!..

Кстати оказалось и старое удостоверение какого-то охранного агентства, в котором для вида числился один из моих бывших, работая обычным рэкетиrom. Он уже лет пять как в Штатах, живёт с негром-полицейским. Звонил недавно, сказал, гад, что счастлив...

Закончив смену Вовиною имиджа, мы наконец двинулись в телецентр – мне предстояло записать передачу.

Вова, надо отдать ему должное, быстро вошёл в роль, оттесняя от меня всех, включая ехидного охранника, который требовал пропуск даже у народных артистов. Помню, меня он как-то мариновал у турникета добрых полчаса, отвратно улыбаясь:

– Порядок есть порядок. Забыли пропуск – придётся вернуться!..

Никакие уговоры не действовали, запись передачи срывалась, пока, наконец, высокое телевизионное начальство самолично не договорилось с начальником службы охраны. Вова же легонько оттёр противного типа плечом, на ходу бросив:

– Секьюрити!..

Конечно же, весть о том, что я завёл персонального охранника, вмиг облетела телецентр. А когда разнеслась ещё одна – *какого охранника* – тут, что называется, зритель пошёл. Вова купался в лучах славы. Даже сладкоголосый Стасик, убежав из студии, вошёл игривой походкой в мою гримёрку. Как зачарованный, он обошёл Вову вокруг, словно тот был экспонатом в музее мадам Тюссо.

– И где же таких сладких охранников находят?..

– По объявлению в газете, – съязвил я.

– Фу, противный!..

У Вовы заходили желваки. Я сделал ему страшные глаза.

Надо ли говорить, что и на запись ток-шоу Вова поплёлся за мной? Важно усевшись в первом ряду, он без конца привлекал внимание камер.

После передачи Вова, краснея, сказал:

– Александр Владимирович, я того...

– Что?..

– Ну, в туалет хочу...

– Это рядом, только за угол повернуть...

– Не, я один не могу...

Пришлось сопровождать мальчика в туалет. Там он, встав у писсуара, с явным удовольствием выпустил мощную струю. Какой-то щуплый мужичок, кажется, из аппаратной, мыл руки. Увидев такое, он замер, уставившись на Вовин брендспойт.

Закончив важное дело, Вова застегнул штаны и, развернувшись, посмотрел на мужика специальным строгим взглядом секьюрити. Бедного дяденьку как ветром сдуло.

Страж моего драгоценного тела отсидел и второй блок записи. В перерыве мы посетили местный буфет, где, к радости буфетчицы тёти Клавы, Вова умял, наверное, недельный запас сосисок.

Собираясь домой, мы ещё раз побывали в месте коллективного пользования. На выходе нас поймала заполошная Ленка из спортивной редакции. Она сходу затараторила без пауз:

– Ой, Сашок, привет, у тебя, говорят, новый мальчик...

Остановить её бурный поток было сложно, понять – ещё труднее. Если коротко, ей дали студию всего на час, записать блок утренней зарядки, а Машка-дура (это её ассистентка) нашла классного мальчика и даже переспала с ним, а вот ни имени, ни телефона не записала...

– А у тебя, сказали, фактурный мальчик такой...

Повернувшись наконец к Вова, она сладко пропела:

– А вы, молодой человек, случайно в институте физкультуры не учитесь?

– Уже окончил, – гордо ответил тот.

Упрашивать Вову не пришлось. Услышав, что его будут показывать по ящику, он с радостью согласился. Поставив только одно условие: чтобы я присутствовал на записи...

Ленка сунула ему листок с какими-то иероглифами, они о чём-то с умным видом посоветовались – типа можно ещё один мах ногой добавить, а потом начать с левой... Вову облачили в яркий костюм от спонсора, вроде тех, в каких велосипедисты выступают, и после двух дублей сделали запись. Все остались довольны. Лена, которую так и распирало от радости, спросила:

– Гонорар вам куда перевести?..

Подумав, Вова важно сказал:

– Все вопросы решайте с продюсером, – и мотнул головой в мою сторону.

Дома он первым делом разоблачился и потребовал провести обход помещений. Впереди, естественно, шёл я. Перед кухней, правда, замешкался – надо было выяснить отношения со всеми тремя кошками: опять кто-то сходил мимо лотка...

Из кухни раздался сдавленный крик. Ух и зрелище: голый бугай держит за шиворот худого пацана, который слабо трепыхается.

– Вова, отпусти, это Виталя, проходящий повар. Совсем забыл тебе сказать в этой нервотрепке...

– Предупреждать надо, – насупившись, пробубнил Вова и

важной поступью победителя удалился из кухни.

Виталик, которого наконец поставили на пол, жадно по-жирал глазами удаляющиеся Вовины формы.

По случаю посторонних в доме Вова облачился в стринги, которые так кстати прикупил утром. Виталик, казалось, никогда не уйдёт. Он без конца перемывал посуду, что-то резал, чистил, жарил... В конце концов пришлось напомнить, что его, наверное, заждались дома. И уходя, бедный мальчик всё бросал голодные взгляды на Вову. Взгляды, полные надежды...

– Он что, тоже из этих?..

– А ты сомневаешься?

Вова насупился, но ничего не сказал.

Надо ли говорить, что на следующее утро мы поднялись в несусветную рань, чтобы посмотреть Вову по тиви?..

На этот же день у меня была назначена встреча со следователем. Петровича я знал давно, как-то вместе делали несколько программ, и друг от друга нам скрывать было нечего. В разумных пределах, конечно...

Вову с трудом удалось оставить в коридоре.

– Это кто там? – спросил Петрович.

– Телохранитель. Сам понимаешь, в свете последних событий...

– Ни фиги себе! Ну, вас, богатых, не поймёшь...

Он мне вкратце изложил суть дела. Похоже, что-то искали, в квартире настоящий погром. Пальцев – прорва. Пока

никаких версий, кроме рядового ограбления, нет...

– Как думаешь, а из ревности никто не мог?..

– Ну, я – точно не мог, у меня в это время запись была. Да и у нас с самого начала были приятельские отношения, и свои романы мы друг от друга не скрывали.

Петрович ухмыльнулся.

– А что касается других... Со вторым мужем у них была бурная любовь. Он вроде из силовых структур и вскоре после свадьбы погиб в горячей точке. Третий живёт в Германии, разошлись они без скандала, так что тоже вряд ли... Ну, а её мальчишки... Меняла она их с завидной регулярностью, но отношения, думаю, у них были сугубо деловые: она им – деньги, они ей – секс. Только с этим, последним, она что-то долго встречалась...

В финале договорились – если будут новости, созвонимся.

Чтобы похоронить Люську, требовалось испросить разрешение у руководства Петровича. Руководство не возражало. Правда, намекнуло, что и второе тело неплохо было бы похоронить, раз уж их вместе...

Почётную миссию сообщить бывшей тёще прискорбную весть тоже доверили мне. Тут надо сказать, что Люськина мать, Тамара Ивановна, ну, это просто классический пример тёщи из анекдотов: ехидная, сварливая, жадная, скандальная... Она искренне считала, что во всех грехах всегда виноват я. Даже после нашего с Люськой развода.

Не изменила она себе и на этот раз. Громко рыдая по те-

лефону, отчитала между делом: если бы я хорошо следил за Люсенькой, ничего бы не случилось... Интересно, как я должен был за ней следить – в бинокль, что ли?!

Успокоившись, тёща уже деловым тоном поинтересовалась: кто же Люсенькин наследник?.. Я ответил: видимо – она...

– Понимаете, Саша, с моими нервами противопоказаны лишние волнения. Вы уж позаботьтесь, чтобы квартиру убрали, ну, вы понимаете, о чём я...

Конечно же, я понимал. Вредная старуха доверила мне убрать следы крови в теперь уже её квартире...

Пришлось ехать к Петровичу за ключами.

– А у тебя разве своих нет? – невинным голосом поинтересовался тот.

Я понял: проверяет.

– Нет... Знаешь ли, мы жили в разных квартирах. А в гости обычно она ко мне приходила...

Петрович выдал мне ключи, поскольку, как он выразился, следственные действия уже закончены.

Вова, конечно же, поплёлся за мной и в Люськину квартиру. Ему это явно не доставляло удовольствия, но, видимо, согревала мысль, что наконец-то можно забрать оттуда свои драгоценнейшие шмотки.

Собирать окровавленные простыни он доверил мне, а сам с трепетом перекладывал в баулы типа «мечта оккупанта» обширную коллекцию нижнего белья.

Раскирдаш в квартире был впечатляющим. По полу рассыпаны фотографии, рукописи, газетные вырезки. Вот мы в студенческие годы, здесь она с Хайнцем – это её последний... С Ольгой на пляже в Майами, на светских тусовках... Нет, найти здесь какие-то зацепки нереально.

Осторожно заглядывая в дверь, Вова сказал:

– Я готов...

– Ты что, забрал все свои вещи? – спросил я, уставившись на объёмные баулы в его руках.

– Ну, не оставлять же их какой-то бабке...

– А если тёща что-нибудь заподозрит, увидев пустые шкафы?..

– Не... Эта комната у Люси называлась «гостевой». Так что там всегда было пусто в шкафах...

Я вздохнул: о её делах он осведомлён куда лучше...

Весь вечер Вова перебирал свои сокровища, периодически демонстрируя самые ценные экземпляры:

– Эти кожаные трусы я купил в Милане. Видите, замки по бокам?.. Очень удобно... А вот – из последней коллекции Ямамото. Смотрите, какой цвет!..

Цвет был действительно замечательный – ярко-розовый, с кровавыми вкраплениями.

– И название крутое: «Первая брачная ночь»!..

Демонстрация моделей закончилась далеко за полночь, и мы наконец легли спать.

Утром всё повторилось. Вова растолкал меня и вновь за-

ставил смотреть его зарядку. Окончательно не проснувшись, я одним глазом смотрел на экран, где довольный Вова прыгал в ярком костюмчике, потом глаз закрывался, и начиналась какая-то чертовщина: с его лба капала кровь, отваливались руки и ноги...

От такого кошмара я окончательно проснулся.

– Ну как? – спросил Вова.

– Замечательно. У тебя большое телевизионное будущее!

Кто бы знал, как я был прав!

Похороны прошли вполне достойно. Правда, нужно было всё время следить за Вовой. Но он держался достаточно стойко. Когда мы уже выходили с кладбища, тёща закатила мне лёгкий скандал: как я посмел похоронить какого-то проходимца-альфонса рядом с её дочерью?

– Знаете, Тамара Ивановна, перед Богом все равны. А не нравится – могли бы сами похороны организовать...

Поражённая такой наглостью, тёща надолго замолчала.

То-то будет повод лишний раз перемыть мне косточки с подружками. Уж она душу отведёт...

Вечером в той комнате, что обычно гордо звалась «кабинет», я сидел за компом над очередным сценарием. Вова, конечно же, тоже был здесь. Лёжа на диване, смотрел спортивный канал.

– Александр Владимирович, – вдруг спросил он, – почему убили Люсю?..

Я оторвался от монитора.

– Если бы знать...

– А меня они тоже прикончат? Я ведь свидетель...

– Вова, давай договоримся: ты выбросишь из головы все эти глупости, а вместе мы попытаемся найти убийцу.

– Мы?.. А мы что – менты?..

– Нет. Потому-то и есть надежда...

– А, понял. Типа вы – умный, я – сильный...

– Да, а вместе мы – сила. Лом, против которого нет приёма...

«Эх, если бы всё было так просто, – подумал я про себя. –

Пока и зацепиться-то не за что...»

Во время очередного перерыва мы сидели в гримёрке. С Вовиным появлением перекуры здесь прекратились: он был ярким поборником здорового образа жизни.

– Александр Владимирович, вы знаете, что такое «спермотоксикоз»? – хитро глядя на меня, спросил он.

– А то... Проходил в школе.

– Вы хотите, чтобы я от него скончался?

– А у тебя что – рук нет?..

– Александр Владимирович! – возмущённо завопил Вова. – Что я – малолетка какой-нибудь?

Потом, потупившись, продолжил:

– Я тут договорился с одной девочкой из Стасиковой подтанцовки.

– А я что – третьим буду?..

– Нет. Для вас я тоже кое-кого нашёл.

– Какой же ты, Вова, у нас деятельный!

– А то! Так что – можно? – И он преданно посмотрел на меня.

– Ну, валяй, – вздохнув, ответил я.

Вскоре появилась одна из Стасиковых девиц – с ногами от ушей, всё как положено. Они с Вовой уединились за ширмой. Следом за девицей вошёл мальчик из той же команды, который без лишних слов обслужил меня по полной программе. Надо ли говорить, что за услуги расплачиваться доверили мне?

– А я тебя недооценил, – сказал я после сеанса сексотерапии Вове.

– Думали, я тормоз, да?

– Ну что ты. Просто считал тебя более легкомысленным... Вова смущённо зарделся.

Время шло. Мы исправно ходили с Вовой парой. Жили как сиамские близнецы. Единственное место, которое дозволялось посещать поодиночке, – домашний туалет.

Тёща, не особо комплексуя, въехала в Люськину квартиру. Конечно же, закатила мне очередной скандал: почему я не собрал бумаги и не вымыл пол. Ей, бедной женщине, пришлось для этого нанимать приходящую домработницу...

– Помыли бы сами, – в очередной раз схамил я. – Физическая работа, знаете ли, помогает снять нервное напряжение...

– Саша, я всегда подозревала, что вы – хам! – парировала

Тамара Ивановна и, гордо вскинув голову, прошествовала к себе в апартаменты.

Спустя месяц после убийства мне позвонил Петрович:

– Зайди. Есть новости...

– Ну что, – не скрывая радости, сказал он, – убийцу мы нашли. Хочешь посмотреть?..

– А можно?..

– Нужно...

Петрович предъявил мне прыщавого юнца с руками, исколотыми чуть ли не до подмышек.

– Вот. Убил с целью ограбления. У него нашли некоторые драгоценности Людмилы Михайловны. Всё оказалось очень просто...

– Ой, не думаю... А что он сам говорит?

– А ничего. Когда мы его взяли, он даже не смог вспомнить своё имя... Такой ни перед чем не остановится.

– Пистолет нашли?

– Ищем.

– А как он в квартиру попал?..

– Ну, знаешь, это не так сложно, как кажется.

Мои вопросы явно раздражали Петровича. Оно и понятно: ему нужно дело закрыть.

Люськины драгоценности я опознать не смог, никогда особо в них не разбирался. Посоветовал Петровичу обратиться к Ольге – лучшего эксперта по побрякушкам найти трудно.

Ольга действительно опознала колье и два браслета, ого-рошив Петровича своими познаниями. Она выдала ему полную характеристику: сколько карат, какая огранка, замки и даже пайка...

– Удивлены? – довольно хмыкнула она. – Я, знаете ли, до того, как удачно выйти замуж, работала в ювелирном салоне.

– Ну чё? – с надеждой спросил меня Вова, когда мы ехали домой.

– А ничё... Сам говорил, что убийца был в возрасте. А тут нашли какого-то сопляка. Да и откуда у него пушка с глушителем? К тому же двери в нашем доме так просто не открываются.

– А брюлики?

– Когда такой наширется, ему конную статую подбросить можно. Он и не заметит...

– Значит, расслабляться рано?

– Выходит – рано...

Как водится в детективах, которые я втихаря, дабы не испортить реноме ведущего интеллектуального шоу, поглощал в невероятных количествах, надо было составить план действий. Прежде всего, надо заставить Вову напрячься и вспомнить всё подозрительное, что в последнее время происходило с ним и Люськой. Но, похоже, Вовины подозрения были связаны только с конкурентами.

– Нет, ну вспомни! Какие-то подозрительные типы в клубах, машины, не отстающие от вас всю дорогу...

– Ну, вы прямо как в кино. Машин не замечал. Люся любила, когда я ублажал её в дороге... – Вова скромно потупился. – А что насчёт подозрительных... Да в клубе что ни рожа – то и подозрительная.

– Так мы далеко не продвинемся...

Придётся вспоминать самому. Только вот что?..

Мы познакомились с Люськой на первом курсе журфака. Универ был крутым, поступали сюда если не по большому благу, то за большие бабки. Она была, пожалуй, единственной на нашем курсе, кто поступил за знания. В свои семнадцать уже успела поработать на тиви, что в те годы было так же сложно, как в космос полететь, набрала кучу публикаций.

Сошлись мы на почве, скажем так, любви к иронии. Наши бесконечные приколы доводили однокашников до состояния аффекта. А уж когда мы объединялись – тут и вовсе можно было крупно пострадать.

Годы учёбы подходили к концу. Пятый курс. Диплом. И хотя уже прорастала перестройка, распределение ещё не отменили. Блестящей молодой журналистке Люське, не имеющей столичной прописки, светила поездка годика минимум на три в далёкую провинцию... Как-то на очередной вечеринке (сколько их тогда было!) мы вдвоём курили на лестнице, как всегда, подкалывая друг друга:

– А что, слабо тебе, Сашок, жениться?

– Ну, если только на Марлен Дитрих...

– Так она уж давно умерла!

– Вот видишь!..

Люська вдруг посерьёзнала:

– А если на мне?..

– Ты это... по правде? Делаешь мне предложение руки и сердца?

– Вроде того...

– Ещё скажи – влюбилась.

– Не дождёшься!

– А тогда?..

– Ну, если честно, в дыру уезжать не хочется.

– Хотя бы честно...

– А серьёзно, Саш. Чего тебе терять? Живёшь один, родителям за рубежами пофиг, что ты делаешь...

– Ну да, а семья, дети пойдут...

– О трахе речь не идёт.

– Люся!

– Да ладно. Каждый трахается сам по себе.

– А если ты от кого-нибудь родишь, я алименты платить буду?

– Не ссы. Дети на ближайшее будущее у меня не запланированы...

Наш брак, заключённый втихушку, наделал много шума на курсе. Но Люська добилась своего – она осталась в столице, перевезя ко мне свои нехитрые пожитки.

Родители по телефону сказали, что надеются на моё здравомыслие. И всё...

Мы начали работу. Перестроенные газеты... Смелые темы, громкие публикации, ожидание у телевизора «Взгляда» по пятницам...

Наша семейная, с позволения сказать, жизнь удивляла даже коллег-журналигов. Дома мы не встречались неделями, изредка видясь в клубах и барах. Нас это вполне устраивало.

Я на несколько лет укатил спецкором в Париж – родители постарались. Иногда звонил Люське – спрашивал, не развалила ли она ещё квартиру. Она со смехом отвечала, что только кровать шатается...

Прошло ещё несколько лет. Людмила тоже стала работать на телевидении. Наша независимость по-прежнему шокировала коллег, наши романы обсуждал, похоже, весь телецентр. Мы были его живой легендой. Как выразился модный певец левого уклона Стасик, Фрейд в этой семье отдыхает.

Мы не скрывали свои увлечения друг от друга. Обсуждали, оценивали и давали советы.

И вот однажды что-то произошло. Уже которую неделю Люська ходила хмурая и на мои приколы не отвечала.

– Уж не влюбилась ли ты, мать?

– Кажется...

– Кто же этот счастливец?

– Ты всё равно не знаешь...

Прошло ещё несколько месяцев. Как-то вечером Люська меня огорошила:

– Я выхожу замуж.

– Но...

– Ты что, не даёшь развода?

– Да что ты! Если надо – всегда пожалуйста!

– Я знала, что ты настоящий друг, – впервые за всё это время Люська улыбнулась.

Расстались мы так же просто, как и соединились. Я не хотел, чтобы она отдавала ключи, – мало ли, бзик пройдёт...

Но она сказала:

– Нет, Сашок, тут всё по-взрослому...

На несколько лет Люська выпала из моего поля зрения. Я изредка видел её передачи. Она казалась прежней...

Как-то ночью, в перерыве записи очередной программы, меня позвали к телефону. Это была Люся. Она плакала. Впервые за все годы нашего знакомства.

– Он погиб, – просто сказала она. – Жить не хочется...

– Люся! Давай без глупостей! Приезжай, потом будем думать, что делать!..

– Эх ты, вечный тимуровец! Не бойся, вешаться не стану. А вообще... Спасибо тебе...

Она приехала под утро. Почерневшая, с красными глазами. Мы курили на кухне, и она, всхлипывая, рассказывала, как ей позвонили и просто сказали, что муж погиб, выполняя задание...

– Он что, Штирлицем был?..

– Скажем так – сотрудником силового ведомства.

Люська долго не могла успокоиться. Подруга Ольга, доб-

рая сумасбродка, повезла её в Майами, расслабляться. Судя по всему, расслабились они там по полной. Люська вернулась прежней. Почти. Только иногда было видно, что под маской обычной безалаберности скрывается глубокая тоска.

Как-то она познакомила меня с толстяком Хайнцем. На вид – настоящий бургер. На самом деле – профессор филологии.

Представила она нас просто:

– Мой бывший, мой будущий...

Честно говоря, я не понимал, зачем он ей понадобился.

– А, поживу в Германии, – просто ответила Люська.

Её бургерское существование продлилось недолго. Вскоре Люська вернулась и на все вопросы, смеясь, отвечала:

– Да жадный он. Воду экономит и в кабак с калькулятором ходит...

– Во жлоб! – в один голос возмущённо завопили мы с Ольгой.

Люська купила квартиру в том же доме, где жил я, сказала, что случайно.

Ольга познакомила её с несколькими мальчиками по вызову. Постепенно Люська вошла во вкус.

– Знаешь, – сказала она мне, – наверное, так и надо. Секс для здоровья – и никаких проблем...

Я посмотрел на «секс для здоровья», который возлежал на диване, прикрывая причинное место пультом от телевизора.

«Да, проблема, кажется, здесь и возникла... А что, ес-

ли?...»

– Вова, а ты всех своих... хм, клиенток помнишь?..

– А вам зачем? – напрягся тот.

– Ну, вдруг какая-нибудь из ревности киллера наняла?

Вова наморщил лоб.

– Да нет. Я с шизанутыми дела не имел.

– Ты всё-таки повспоминай. Чем чёрт не шутит...

Похоже, я озадачил Вову как минимум на ближайшую неделю.

Вообще Вова регулярно огорошивал меня своими вопросами. Как-то вечером он спросил:

– Александр Владимирович, вы думаете, я извращенец?

– Почему?

– Ну, как же: хожу дома голый.

– И что?

– Я в каком-то журнале читал про этих, как их, как-то на «Э» начинается...

– Эксибиционисты?

– Ага.

– Ну, это не про тебя.

– А про кого?

– Вот если ты в тёмном подъезде будешь тёток подкарауливать и демонстрировать им то, что у тебя в ширинке, тогда будешь из этой команды...

– А так?

– Ну, насколько я знаю, это для здоровья полезно. А ты

у нас известный поборник здорового образа жизни. Я уж забыл, когда курил последний раз...

– А почему сами тогда ходите одетым?.. – хитро спросил Вова.

Я чуть не подавился со смеху:

– Представляешь, как я буду выглядеть на твоём фоне?..

Он критически посмотрел на меня:

– Да, поработать есть над чем. Ну, ничего, справимся...

Работать надо мной Вова принялся начиная прямо со следующего утра. Растолкав пораньше, заставил для начала повторить то, что он в это время показывал по телевизору. Занятие оказалось из разряда суперсложных...

Надо отдать должное Вове: отжимаясь, он с трудом подавлял смех, но всё-таки не ржал во весь голос.

Наивно полагая, что экзекуция окончена, я в изнеможении вновь повалился на кровать.

– А сейчас – холодный душ! – бодрым голосом возвестил Вова.

Под его бдительным контролем, издавая дикие вопли, я выстоял под ледяными струями, наверное, целую вечность.

– У меня будет воспаление лёгких! – страшал я Вову.

– Да ладно, от этого ещё никто не умирал...

Но и это, как оказалось, было ещё не всё...

– Знаете, при моей э... работе надо посещать определённые места, – важным голосом сообщил он мне после завтрака.

– Стрип-клуб, что ли?..

– У вас одно на уме. Тренажёрный зал, солярий, сауну...

– Ну, если надо... Только ты же не можешь ходить туда, куда ходил раньше!

– Я найду новые, – с энтузиазмом сказал Вова, беря в руки рекламные газеты. – ...Ну вот, можно ехать. Собирайтесь!..

Через несколько минут Вова с подозрением посмотрел на сумку с моим ноутбуком.

– Вы что собрались делать?

– Над сценарием поработаю...

– Мы над вашей фигурой работать будем. Спортивная одежда есть?

– Откуда...

Мы заехали в спортивный магазин, и так же придирчиво, как недавно выбирал себе трусы, он набрал мне целую гору какой-то амуниции.

В тренажёрном зале Вова посоветовался с похожим на себя по габаритам юношей, периодически кивая в мою сторону.

С улыбкой тот подошёл ко мне и радостно сообщил:

– Случай, конечно, сложный, но не смертельный. Сейчас подберём вам индивидуальную программку...

В то время как Вова с неопишуемым удовольствием тягал громыхающие железяки, юноша то сажал меня куда-то, заставляя дёргать какие-то тросы, то укладывал на какую-то доску и совал в руки штангу... Через несколько минут, показавшихся мне вечностью, меня милостиво отпустили в душ,

сказав, что для первого раза достаточно.

Руки и ноги меня не слушались. Закрывшись в спасительной душевой кабинке, я долго не хотел выходить, невзирая на Вовины уговоры. Наконец ему удалось меня выманить.

– А сейчас – массаж! – радостно объявил он.

Меня долго гладили и мяли на кушетке. В конце концов я немного ожил.

– Теперь – эпиляция, и на сегодня хватит! – вновь сообщил довольный Вова.

– Но это же больно! – попытался возразить я.

– Не смертельно. Я регулярно делаю. Вам бы тоже не помешало...

Мне всё-таки удалось отмазаться от этой процедуры. Но в косметическом салоне Вова потребовал моего присутствия.

Наверное, это было замечательное зрелище! Пока его намазывали воском и обклеивали бинтами, я сидел рядом, тыкая пальцами в клавиатуру.

Девушка, которая обрабатывала Вову, что-то прошептала ему на ухо. Он в ответ захихикал и замотал головой.

Когда мы вышли на улицу, я спросил:

– Надо мной прикалывались?

Вова смутился.

– Ну, говори, говори...

– Она спросила: твой папик что – садомазо? Кайф ловит, глядя, как у тебя волосы выдёргивают?..

– Господи, во что ты меня втрапливаешь!

Как-то в гримёрке Вова мне пожаловался:

– Они надо мной смеются...

– Кто?

– Да эти умники из службы новостей. Ну, которые все в очках...

– И каким образом?

– Один сказал: а давайте спросим, нравится ли ему Коэльо, спорю, он и не знает, кто это!

– А ты знаешь?

Вова потупился:

– Это модный писатель. Я, правда, не уверен, что они сами его читали.

– А ты у них спроси: могут они столько раз отжаться, сколько ты? Или повторить твою зарядку, чтобы Ленка завизжала от восторга и записала их вместо тебя?.. Понимаешь, Вова, каждый человек – специалист в своей области. И если Бог наградил тебя способностями к спорту – нечего комплексовать по этому поводу. Тебя уже каждое утро показывают, а они так и будут до пенсии сидеть в своей редакции новостей и чужие информушки править...

Конечно же, Вова вновь припал к моей груди...

Когда мы вечером проходили через фойе, три умника-новостийщика там курили. Один что-то сказал, и все дружно захихикали. Вова развернулся и, не торопясь, подошёл к ним. У мальчиков сразу сделался бледный вид.

– Ну чё, пацаны, – грозно спросил Вова, – выёживаемся?

Один что-то пролепетал.

– А слабо прямо здесь отжаться, ну, хотя бы раз тридцать?..

– Но... понимаете... я даже в школе на физкультуру не ходил, – пролепетал другой. – А...

– Ну, конечно, это не про Коэльо трепаться!.. Понимаете, пацаны, – Вова похлопал одного из них по плечу, отчего тот чуть не рухнул на пол, – каждый из нас – специалист в своей области. И если я – сильный и красивый, то этому можно только завидовать!

И Вова с достоинством вернулся ко мне.

– Я правильно сказал?..

– Правильно. А ты делаешь успехи!

Вечером он спросил:

– А вы, наверное, тоже думаете, что я тормоз, как те очкарики?

– С чего ты взял?

– Ну, почти ничего не читаю и в разговорах не силён...

– Вова, откуда у тебя это стремление к самоуничтожению? Я же уже сказал, что думаю по этому поводу. Ты во многом другом силён. – И я выразительно посмотрел туда, где опять покоился пульт от телевизора. – Вообще же, я очень плохо тебя знаю. Наверняка у твоей тяги к самокритике есть свои причины...

– Ну, вам, наверное, неинтересно слушать про мою жизнь...

– Ты расскажи, а я уж сам решу...

Вова родился в неблагополучной семье. Про отца он даже никогда не слышал, а мать...

– Я, когда был совсем маленький, не мог понять, почему мамка всё время на пол падает. Я думал – умерла, начинал плакать, ползал вокруг. Она только мычала... Потом, когда стал в садик ходить, дети в группе дразнились: у тебя мать – алкашка!.. Я крупный был и лупил их за это. А воспитательница меня всё время в угол ставила и говорила: ну что же можно ожидать при такой-то матери...

Больше всего я не любил праздники. На них надо было приходиться в белой рубашке и белых гольфах, а я носил какие-то застиранные кофты. Все дети строились в пары и шли в зал, только меня воспитательница оставляла в группе, чтобы вид не портил...

Мне только Новый год нравился. У нас была добрая соседка, она всегда давала старые костюмы своих детей. То зайца, то кота... Костюмы были, конечно, так себе, но зато на ёлку меня пускали со всеми. А там подарки... Я же рослый был, всё время есть хотелось. В общем, пока я доходил до дома, в пакете ничего не оставалось...

Вова замолчал.

Да уж, воспоминания не из приятных...

– Во дворе я гулял допоздна. Старшие пацаны позвали как-то играть в футбол. У меня получилось... К шести годам я уже обыгрывал двенадцатилетних. Как-то к нам во двор

пришёл тренер из детской команды, сказал, что тех, кто ему понравится, возьмёт в свою секцию. Ему понравился я. Но когда он узнал, сколько мне лет... И тут же захотел поговорить с моими родителями, сказал, что такой талант нельзя в землю зарывать... Он увидел мамку, лежащую на полу в прихожей, и всё понял. Повёл меня куда-то, мы долго ходили по каким-то кабинетам... Потом мне сказали: хочешь учиться в спортинтернате?.. Я спросил: а кормить там будут?..

Мамка была не против.

В интернате мне понравилось. Там давали новую одежду, кормили до отвала; целыми днями мы тренировались. Учёбой не слишком грузили...

Я начал ездить на соревнования. Игры, сборы, тренировки... Никто не обзывался, никто не запирал меня, чтобы вид не портил... Наоборот, меня в пример ставили.

Плохо было только по праздникам и на каникулах. Все разъезжались по домам, а я... Куда ехать-то?.. Шарахался по интернату, занимался на тренажёрах, телевизор смотрел. Но потом график игр и сборов становился всё плотнее, и, слава богу, у меня всё меньше оставалось свободного времени.

Я уже играл за юношескую сборную, когда как-то после тренировки мне сказали, что мамка умерла... Замёрзла пьяная в сугробе... По идее, меня нужно было отправить в детдом, но у кого бы рука поднялась при таких-то перспективах? Я продолжал жить в интернате и играл, играл...

К окончанию школы объездил, наверное, уже полмира.

Правда, мало что видел. На экскурсии не было ни времени, ни сил.

Меня с радостью приняли в институт физкультуры – я уже был международным мастером.

Играл в дублирующем составе, вот-вот должны были перевести в основной, и тут...

Вова снова замолчал.

– Врачи сказали, что с такой травмой колена играть я больше не смогу... Я остался один на один с жизнью, с которой был почти не знаком. Без денег, без жилья, с одним дипломом в руках...

Ну, конечно, кое-что о жизни я всё-таки знал. Невинность я потерял в тринадцать лет. Тётка, которая меня соблазнила, узнав, сколько мне лет, долго не верила. А мне так понравилось, что я оттачивал своё мастерство при каждом удобном случае...

Увидел объявление о наборе в стрип-клуб, попробовался. Меня приняли, и – закрутилось...

– А хотите, свои сокровища покажу? – вдруг спросил Вова.

– Покажи.

Он принёс старую коробку из-под обуви, которую я заметил, когда ещё Вова в Люськиной квартире свои драгоценные трусы собирал. Помню, подумал: неужели он когда-то такую затрапезную обувь носил?..

Вова открыл коробку. Почти доверху она была забита

спортивными медалями на разноцветных ленточках, на дне виднелись какие-то дипломы и грамоты, а сверху лежало несколько старых фотографий. На одной – молодая смеющаяся женщина с такими же, как у Вовы, глазами. Наверное – мать... На другой, видимо, детсадовская группа: все – «белый верх – чёрный низ», а в заднем ряду, видимо, чтобы вид не портил, – крупный мальчишка в какой-то серой кофтенке, с плотно сжатыми губами и грустным взглядом. А это – у ёлки. Такой же грустный, в нелепом костюме зайца крепко прижимает к груди пакет с конфетами. А на этих – уже весёлый. Вот с мячом на поле, а это, наверное, в раздевалке, после игры. С друзьями по команде на фоне Колизея...

Вова задумчиво перебирал свои сокровища.

Я положил ему руку на плечо и тихо сказал:

– Фигня, Вова, прорвёмся...

Как-то я застал его за интересным занятием: Вова сидел перед компьютером. Заметив меня, вскочил:

– Работать будете?

– Да нет, продолжай...

– Да у вас здесь игрушек совсем нет.

– Ну, я их не люблю.

– Почему?

– Раздражают.

– А мне нравятся. Я иногда в салон ходил...

– Если нравятся, давай купим несколько дисков.

К покупке игр он отнёсся со всей серьёзностью. Малолет-

няя продавщица, с восторгом взирая на снизошедшего до её убогого отдела Вову, не переставая, рассказывала, кто здесь кого убивает и на сколько мегабайт памяти это рассчитано. А звук, а картинка!..

Прикупив в результате несколько дисков, Вова засел за комп. От его радостных воплей я чуть не оглох. Мало того, с завидной регулярностью Вова призывал меня в свидетели очередной победы и перехода на новый уровень.

В этот вечер ужинать мы так и не сели. Сжалившись, я поставил на компьютерный стол кофе и бутерброды. Вова, не отрываясь от экрана, всё зажевал и продолжил битву.

Засыпая, я с радостью предвкушал, что, проиграв всю ночь в свои стрелялки, он не поднимет меня с утра пораньше и не заставит руки-ноги задирать.

Но радовался я рано...

Утром как ни в чём не бывало Вова прокричал у меня над ухом:

– На зарядку – становись!..

Еле продирая глаза, я сказал:

– Такое ощущение, что ты не институт физкультуры, а военное училище окончил...

– Так я же в армейской команде играл, – радостно ответил он.

Днём, в студии, моя ассистентка, округлив глаза, сообщила, что внизу меня ждут какие-то новые русские. А женщина – ну просто рвётся наверх, охрана её удержать не может.

Спустившись в фойе, я заметил, а вернее, сначала услышал Ольгу. Она была со своим благоверным.

– Сашка, ну наконец! – радостно завопила она.

– Во малахольная, всю ночь спать не давала, – пожаловался мне её супружник.

Ольга только нетерпеливо махнула рукой в его сторону.

– Понимаешь, – почему-то она перешла на шёпот, – я знаю, кто Люську прикончил...

На нас уже оглядывались.

Кое-как усевшись в кресло в углу, она продолжила:

– Точно... Это он...

– Да кто же?

– Хайнц!

– ...?!

– Я его вчера в кабаке видела, а он сделал вид, что не узнал меня...

– И поэтому ты решила, что он – убийца?

– Я же говорю – малахольная, – довольно констатировал

Ольгин муж.

– Ну, знаешь, а для чего он сюда тогда припёрся из своей Германии, да ещё шифруется?

– А может, ты ошиблась?..

Ольга с достоинством посмотрела на нас:

– В отличие от некоторых я очками до сих пор не пользуюсь!..

Мы, оправдываясь, вместе с её благоверным пробубнили,

что, мол, только на работе...

– Так вот, – опять нетерпеливо перебила нас она, – весь вечер сидел за соседним столиком, и с какой-то крашеной мочалкой, страшной до жути!..

– Это точно, – вставил свои пять копеек Ольгин бугай, – как будто только с панели привёл.

– Ну, я не знаю... – протянул я. – С одной стороны, конечно, подозрительно, но это ещё ни о чём не говорит...

– А ты ему сообщил о Люськиной смерти?

– Звонил несколько раз. Дома всё время автоответчик, а в универе любезно обещали передать моё сообщение.

– И он тебе не позвонил?

– Нет.

– Что делать будем? – как всегда, суперактивная Ольга жаждала действий.

– Может, Петровичу позвонить?

– Это кто? – напрягся муж.

– Это очень любезный следователь, – ответила его половина. – Он сказал, что я – настоящий эксперт по драгоценным камням.

– Это он в точку попал, – пробурчал супругник, покосившись на блистающую камнями Ольгину шею.

Вова предложил сначала всё проверить самим.

– И как ты это себе представляешь?

– Прижмём жирного в угол, он и расколется...

– Вова! Ты нас в международный конфликт втравишь!

– Ну, мы же его бить не будем, просто спросим...

Узнав у Ольги название кабака, где она видела бургера с мочалкой, мы вечером организовали там засаду. Вова от нечего делать ел и строил глазки всем подряд тёлкам, независимо от возраста. Те млели.

Наконец, часов в одиннадцать, появился Хайнц. Это был, бесспорно, он. Под руку действительно с какой-то мочалкой. Но я сразу понял, чем она вызвала такое раздражение у Ольги: брюликов на ней висело куда как больше!

Хайнц меня тоже узнал, но отвёл глаза.

– Он? – спросил Вова.

– Он...

– А чего шифруется?

Мы продолжили сидеть за столиком. Наконец мочалка встала – видимо, собралась носик попудрить.

Хайнц подлетел ко мне и, просительно заглядывая в глаза, сказал:

– Херр Алекс, я вас умоляю, только никому не говорите, что я здесь... Я вам всё объясню... потом...

– Когда?

– Ну, давайте сегодня ночью. После того... после того, как моя спутница уснёт, я к вам спущусь...

Ресторан был гостиничным, и, чтобы не потерять Хайнца, мы на всякий случай переместились в холл. Вова развлекался у игровых автоматов.

Хайнца всё не было. Заграничная бумажка зелёного цвета

быстро помогла выяснить на рецепции всю нужную информацию: оказывается, сегодня ночью парочка отбывала в Германию.

– Так... – процедил Вова сквозь зубы, – придётся бить...

Мы поднялись на нужный этаж. Дверь одного из номеров распахнулась, из неё выглянул Хайнц и, никого не заметив (нас от него закрывала необъятная искусственная пальма), стал, пыхтя, выносить в коридор чемоданы.

– У них что, здесь никакой обслуги нет? – шёпотом спросил Вова.

– Наверное, для конспирации...

Толстяк и опомниться не успел, как железная рука взяла его за шиворот и бросила в кресло. Выпучив на меня глаза, Хайнц хрипел и пытался отцепить Вовину руку. Бывают же наивные люди!

– Чё, сука, слинять хотел? – грозно спросил Вова.

– Он почти не понимает по-русски, – сказал я.

– Ничего, у меня быстро научится.

– Ладно, отпусти его, а то ещё помрёт с испуга.

– Мы вас слушаем, – любезно обратился я к Хайнцу.

Тот, держась рукой за горло, начал причитать:

– Я вас умоляю, только ничего не говорите Анне...

– Вы знаете, что Люся умерла?

– Да... Это печально...

– Это ты её убил? – зло спросил Вова.

Хайнц уставился на меня.

– Он спрашивает: это вы её убили?..

– Но для чего?..

– Вам виднее...

– Херр Алекс, мы давно разошлись и не имели никаких претензий друг к другу. Зачем же мне убивать Люсю?..

– А что вы тогда здесь делаете?

Хайнц потупился.

– Ну? – опять страшным голосом спросил Вова.

– Я... То есть Анна... Вы понимаете, херр Алекс, я игрок. В последнее время удача отвернулась от меня. Я заложил дом. Я... я могу остаться на улице... Представляете, если в университете узнают! А Анна... Она очень богатая наследница... Ну, я и решил жениться. А ей взбрело в голову поехать именно в этот город... И непременно – сейчас. Я даже на Люсину могилу не мог пойти. Как бы я ей объяснил?..

– И что он сказал? – спросил Вова.

– Сказал, что проиграл все бабки и окучивает мочалку – она супербашлёвая...

Вова оторопело посмотрел на меня:

– Это вы на каком языке сказали?..

– Ну не всё же мне как в телевизоре разговаривать...

Из номера выплыла Анна. В шляпке от кутюр она была ещё страшнее...

– Познакомь меня со своими русскими друзьями, – сладко проговорила она Хайнцу, пожирая глазами Вову. Тот принял боевую стойку.

– Это господин с телевидения, он хотел взять у меня интервью...

Фрау что-то промурлыкала и, не отрывая глаз от Вовы, взяла толстяка под руку. Появился коридорный с тележкой.

– Вова, фу, – скомандовал я. – Ты не на работе...

Вова с сожалением посмотрел на удаляющуюся Анну.

– Что, и с ней бы смог?

– В лёгкую...

– Да, ты – настоящий мастер...

Наши походы в тренажёрный зал продолжались. Солярий, по сравнению с этой камерой пыток, показался мне сущим раем. А когда Вова собрался в сауну, я предложил поехать на дачу. Там была роскошная баня.

– И это – дача? – с удивлением спросил он, когда мы приехали.

Дача досталась мне от дедули с бабулей. Роскошный, по меркам сталинских времён, дом с террасой, заросшим садом, маленьким прудом. Увидев в зале камин, Вова спросил:

– Настоящий?

– Да. Можно затопить.

– Это чья... дача?

– Теперь моя.

– А раньше?

– Раньше была дедушки и бабушки.

– Их фамилия случайно не Ротшильд?..

– Нет, – засмеялся я. – Греков и Разумова. Может, ты ви-

дел их фильмы. Правда, это было так давно...

– Опять вы меня за дурака держите, – обиделся Вова. – Конечно, видел. Мы эти комедии всегда перед матчами смотрели...

– Ну, вот здесь мы и жили летом.

– А родители?

– Родителей я видел очень редко. Они всё больше за рубежом работали.

Баня привела Вову в восторг. Он от души отхлестал себя и меня за компанию веником, потом мы сидели перед горящим камином...

– Здесь есть маленький кинозал, если хочешь – давай что-нибудь посмотрим, – предложил я.

– Что, прямо как в кинотеатре?

– Ну, почти...

Вова с благоговением взирал, как я управляюсь со старым, ещё довоенным проектором. Наконец аппарат застрекотал, и вот снова на экране я увидел бабуся. Она заразительно смеялась и пела, а я, кажется, слышал, как она меня спрашивает:

– Ты это серьёзно, Сашенька?..

Спать мы пошли на второй этаж.

– А это кто? – остановился Вова у афиши в коридоре.

– Я. В детстве.

– ?..

– Что, не похож?

– Ну, в общем...

– Что же ты хочешь. Мне здесь всего четырнадцать...

– «Концерт для фортепиано с оркестром...» – прочитал

Вова. – Вы что, музыкантом были?

– Был, был...

– А почему тогда?..

– Потому же, что и у тебя...

– У музыкантов что, тоже травмы бывают?..

– Как видишь...

Вова задумался:

– Так мы, выходит, коллеги по несчастью?

– Выходит...

Он подошёл к роялю.

– Можно потрогать?

– Потрогай, – засмеялся я. – Он не кусается...

Вова дотронулся до клавиши. Зазвучала струна.

– Так просто...

– Ну, это как посмотреть.

Он взял в руки ноты.

– И по этим загогулинам можно что-то понять?..

– Ну вы же с Ленкой что-то понимаете в своих бумажках...

– Там всё просто: движения записаны.

– И здесь всё просто: каждая нота – отдельный звук, хвостики длительность обозначают...

– И что вот здесь написано? – ткнул он в такт посередине страницы.

– Слушай.

Я правой рукой наиграл мелодию. Это был похоронный марш Шопена.

– Ну вы даёте. А повеселее ничего нет?..

– Знаешь, я так долго не сидел за инструментом, что может ничего не получиться...

– А вы попробуйте...

Для начала я попробовал гамму до мажор. Да, да, ту самую, прямую, расходящуюся. Ужас! Мои руки были даже не деревянными, как я думал, они были чугунными! Об арпеджио я даже и не помышлял...

– Это что, типа тренировки?

– Типа... Ладно, попробуем что попроще.

Я попытался сыграть рэгтайм. Непослушные пальцы с трудом вспоминали мелодию, расстроенный рояль жутко звенел. Как я дотянул до коды – не помню.

Вова внимательно слушал. Потом встал, подошёл ко мне и... заплодировал.

На автопилоте я вскочил с табуретки и поклонился.

– Ой, прости, привычка, – смутился я.

Вид смущённого меня произвёл на Вову неизгладимое впечатление. Кто бы мог подумать, что я на это способен!

И тут я – о, господи! – в этот раз я припал к его широкой груди. А он... он прижал меня к себе и тихо сказал:

– Фигня, прорвёмся...

Спать мы улеглись в бабусиной спальне. Она приснилась

мне в эту ночь, что случалось крайне редко. Лучезарно улыбаясь, как это умела делать только она, бабуля сказала:

– А он, этот мальчик, вернул к жизни наш старый дом... И тебя тоже...

Проснулся я от каких-то странных глухих звуков. На лужайке перед домом Вова выделывал невероятные па со старым футбольным мячом (и где он только его нашёл?).

– Тренируемся? – спросил я, выходя на улицу.

– Да так, балуюсь...

Когда мы уезжали с дачи, я оглянулся на большой портрет бабуся – снимок из её последнего фильма, который висел над лестницей. Мне показалось, что она подмигнула мне...

С лёгкой Ленкиной руки Вову пригласили сниматься в клипе очередной восходящей поп-звёздочки. Конечно, я непременно должен был присутствовать.

В павильоне рядом со мной сидел толстенький дядечка с толстенькой же борсеткой в руках.

– Ваш мальчик? – кивнул он в сторону Вовы.

– Я его продюсер...

– Я тоже типа того, – вздохнул толстяк.

Сюжет был простой: Вова стоял, как памятник самому себе, а девица увивалась вокруг, пытаясь его безуспешно соблазнить.

В перерыве Вова плюхнулся в кресло рядом со мной, чем немало удивил толстяка. Его-то девица, не снимаясь, целомудренно накидывала прозрачный халатик. Но наш-то маль-

чик такими комплексами не страдал...

Когда съёмки закончились, девица чмокнула Вову в щёчку и удалилась со своим «продюсером».

– Ну как? – спросил Вова.

– Ты смотрелся гораздо лучше этой тёлки!

Вова радостно просиял.

Я по-прежнему не мог понять: кто убил Люську и, главное, за что?

Вова постепенно стал приходить в себя и уже иногда совершал короткие вылазки по коридорам телецентра и без меня.

Клип вышел в эфир и имел успех. Малолетние дурочки стали узнавать его на улице.

Как-то вечером раздался звонок.

– Мсье Александер? – с ударением на последний слог спросили меня.

«Француз», – подумал я и на всякий случай ответил: – Уи...

Иностранная сторона тут же радостно перешла на английский. Ни много ни мало они предлагали модели, чьим агентом я являлся, сняться для рекламного плаката нового парфюма одной очень известной фирмы...

– Какой? – спросил я.

– Понимаете, пока это коммерческая тайна. Так вы согласны?..

– Мы согласны? – спросил я у Вовы, который вёл очеред-

ную компьютерную бойню.

Он оторопело посмотрел на меня.

– В Париж зовут, на съёмки...

Вова едва заметно кивнул.

– Мы согласны, – ответил я иностранной стороне.

– Хорошо. Мы с вами позже свяжемся.

– И чё? – спросил наконец оживший Вова.

– Рекламный плакат нового парфюма. Будешь известен по всем бутикам!

– И как я поеду? Паспорт же нужен!..

– Да, действительно. Но в наше-то время... Были бы деньги.

Я начал вспоминать скользких личностей, которые могли бы помочь. Конечно же, первым на ум приходил Лёвик. Этот мог всё...

– Собирайся, – сказал я Вова, – идём в гей-клуб.

– ?..

– Там тип тусуетя, который помочь может.

– А может, вы сами, без меня?

– И на паспорт наклеят мою фотку? Давай, давай...

Вова долго думал и советовался со мной, во что облачиться. Наконец натянул кожаные штаны и абсолютно прозрачную чёрную рубаху.

– Ну как?

– О, ты будешь пользоваться успехом...

В клубе он затащил меня в самый тёмный угол. Но это

не мешало местной публике увиваться возле нашего стола. Каждый считал своим долгом состроить Воле глазки. Тот зверел.

– Спокойнее. Помни, ради чего мы здесь. Веди себя естественно. Расслабься.

– Да они же об меня трутся!

– Какое горе!

– Да ну вас...

Наконец появился Лёвик: толстый, лысый, в красных брючках в облипochку и жёлтой кофтенке до пупа.

Я поманил его.

Лёвик всегда был любителем халявной выпивки.

– Ну-с, я вас слушаю, – сказал тот, падая на стул и кушая глазами Вову.

– Мальчику нужен паспорт. На чужую фамилию, естественно.

– Ты говоришь так, как будто это – два пальца обделать...

– Ну, для тебя-то...

Лёва польщённо улыбнулся.

– Это будет, естественно, стоить...

– Естественно...

– Платить натурой будем или как?..

Вова напрягся.

– И не мечтай, старый хрыч, – сказал я. – Деньгами. Заграничными.

– Ну ладно, – согласился Лёвик. – Деньги так деньги. Твой

телефон я найду...

Через несколько дней мы произвели обмен: я вручил Лёве толстую пачку заграничных зелёных денег, он мне – паспорт с довольной Вовиной физиономией, где тот значился каким-то Фёдором Петровичем Севрюковым.

– А это не туфта?..

– Ну, Сашенька, ты меня обижаешь. Если Лёва что-то делает – он делает это со знаком качества...

Послунявив палец, Лёвик тщательно пересчитал деньги.

– А натурой всё-таки было бы лучше, – вздохнул он.

И мы с Вовой, то есть Федей, отправились в Париж...

Зарубежная сторона подошла к нашему приезду по-заграничному серьёзно. Лимузин, конечно, к трапу не подгоняли, но встретили в аэропорту, отвезли во вполне приличный отель.

Портье буднично спросил:

– Жить будете в одном номере или отдельно?

Я перевёл Вове.

– Я отдельно боюсь, – потупилась восходящая звезда.

В гостинице нам рассиживаться не дали. Почти сразу же повезли к юристу. По дороге Вова всё время смотрел в окно и, когда видел Эйфелеву башню, толкал меня в бок и зачарованно вопил:

– Смотрите!..

Парижского законника несколько удивило, что мой подопечный не понимает по-английски.

- Но это же рабочий язык модельного бизнеса!..
- У нас – особый случай, – важно сказал я.
- Чё он докопался? – с подозрением спросил Вова.
- Не понимает, почему ты по-английски не говоришь...
- Вот козёл!..

В конце концов нам дали подписать объёмистый контракт, две трети которого занимал раздел секретности. Мы обязались до выхода конечного продукта, то бишь плаката, не называть кому бы то ни было фирму-разработчика и рекламируемый продукт... А оно нам надо?..

Наконец нас отвезли в студию. Стареющий маэстро в соломенной шляпке и рубаше с рюшами встретил нас, как подобает великим, с полным небрежением.

Его поначалу напрягло моё присутствие, но когда я популярно объяснил, что это – желание клиента, да ещё с истинно парижским прононсом, он потерял ко мне всякий интерес.

Вова обнажился, маэстро прищёлкнул языком и начал отдавать команды своей свите.

Вову причёсывали, мазали гримом с головы до ног, щёлкая без конца на «Полароид»...

В конце концов ему несколько усилили цвет волос, добавили лёгкого загара и поставили на фоне синего задника. Маэстро начал показывать, какие позы необходимы. Моя помощь особо не требовалась. Они быстро поняли друг друга. Всё-таки что значит – профессионалы!

Первый день подошёл к концу. Нас отвезли в гостиницу.

– Ну, куда пойдём? – спросил я.

– На башню, конечно, – не задумываясь, выпалил Вова. –

И ещё... – он немного подумал, – в «Мулен Руж».

Мы поднялись на башню, посидели в кафешке. Цены убили Вову наповал...

В «Мулен Руж» ему так понравилось, что я боялся – как бы на сцену не выскочил.

– Во дают! – всё время восхищённо шептал Вова.

Вернувшись в гостиницу, он долго повторял перед зеркалом то, что увидел в варьете.

– Может пригодиться... Надо запомнить!

После ужина Вова спросил:

– А как у них здесь со здоровым сексом?

– Это дело у них давно поставлено на широкую ногу. Что, опять хочется?..

– Ну... я бы не отказался...

Я назвал таксисту адрес заведения старушки Мари. Поговаривали, что этот бордель когда-то принадлежал бабке Эдит Пиаф. Впрочем, чего не скажешь ради рекламы!

Старушка приветствовала меня радостной улыбкой:

– О, мсье Алекс, вы снова у нас!..

Потом, уже по-деловому, осведомилась:

– Вам – как всегда? А ваш спутник?..

Вова в это время уставился на девицу в коротенькой юбчонке, сидевшую у стойки бара. Та призывно полуоткрыла рот...

– Вообще-то, это мужик, – сказал я как бы между прочим.

– А грудь?.. – прошептал изумлённый Вова.

– За хорошие бабки мы и тебе такую можем устроить...

В конце концов Вове выбрали традиционную партнёршу.

– Увы, молодые люди, – вздохнула Мари, – в наше время все требуют чего-то невозможного... Угодить клиентам всё труднее...

Я освободился раньше Вовы. Он трудился ещё как минимум час.

Когда мы уезжали от мадам, та мне шепнула:

– А я бы с удовольствием взяла его в штат!

– Чего ей надо? – напрягся Вова.

– Восхищается твоей красотой. Она в этом разбирается!

– ...Ну как? – спросил я у Вовы в такси.

– Да ну их... Резинки только что на голову не натягивают.

А перед началом, как в штатовских фильмах полицейские, тебе твои права зачитывают: туда не целуй, здесь не трогай...

А что вы мне ещё покажете?..

– Ну, что-то вроде улицы красных фонарей устроит?..

Мы вышли из такси. Водитель проводил нас подозрительным взглядом.

Грудастые девицы тут же облепили Вову. Мы с трудом прорвались сквозь их плотный строй.

Какой-то бугай в кожаном прикиде начал нас настойчиво зазывать на садомазо-шоу.

Потом бритоголовый араб распахнул перед нами плащ,

под которым, естественно, ничего не было, и сделал призывное движение в лучших традициях танца живота.

– Это как он делает? – заинтересовался Вова.

Араб непонимающе уставился на нас.

– Идёте со мной? – спросил он.

– Научишь его так животом делать?

Араб очумел.

– А секс?

– Сначала научишь, а потом подумаем. Не бойся, запла-
тим...

Всё ещё очумело озираясь, бедный араб (чёрт их знает, этих русских!) наконец привёл нас в свою комнатушку, где умывальник был прямо у дверей, а из-под него выдвигалось биде – непременный атрибут французского разврата.

Со вздохом облегчения Вова разделся.

– Давай!

Араб включил магнитофон и начал демонстрировать чудеса верчения животом.

Вова повторял. Араб его останавливал, поправлял. Наконец они начали делать это почти синхронно.

– Вова. – Вова ткнул себя в грудь. – А ты?.. – показал он на араба.

Тот выдал что-то очень длинное и очень сложное, потом опомнился, засмеялся и сказал:

– Жак.

Вова пожал ему руку и поднял большой палец вверх.

Араб непонимающе уставился на меня.

– Он говорит, что ты – мастер.

Жак прижал руку к сердцу.

– Мсье желают продолжить?

– А почему бы и нет, – сказал я.

– Не, я не могу, – испугался Вова.

Но шустрый араб уже начал ублажать его своими проворными губами...

По дороге в гостиницу Вова сказал:

– А вы, оказывается, хорошо знаете, что здесь почём...

– Всё-таки три года проработал. Да и к родителям часто приезжаю...

– Они что, в Париже живут? – изумился Вова.

– В предместье...

– А почему вы сразу к ним не поехали?..

– Здесь это не принято... Завтра нас ждут к обеду.

– Ой, я боюсь. Я вечно не знаю, какие ножи и вилки брать...

– Не дрейфь. Они всё-таки русские!

Утром горничная подала нам в постель подносы с завтраком.

– А её это не удивляет?

– Вова, это Париж! Здесь трудно чем-нибудь удивить...

Потом он вспомнил перед зеркалом вчерашний урок, который дал ему Жак, и остался собой доволен.

В студии у маэстро всё повторилось вновь. Бесконечно

меняли грим, свет, позы. Наконец мы освободились и поехали к моим родителям.

Вова был поражён:

– И что, это их собственный дом?

– Как видишь...

– Да... – только и смог вымолвить Вова.

Наивный мальчик!

Меня расспрашивали о жизни, о работе, конечно же, о Люсе...

– А знаешь, – сказала маман, – даже несмотря на её несколько э... эксцентричное поведение, она мне нравилась. Жалко, что всё так закончилось... А твой протеже чем занимается?..

Протеже посмотрел на меня умоляющим взглядом.

– Он фотомодель и начинающий актёр, – отрапортовал я.

– Ты в своём репертуаре! – проворчал папик. – Если сам не на сцене, то рядом... Тяжёлая наследственность!

Вова непонимающе уставился на меня.

– Потом расскажу...

Мы вспомнили общих знакомых. Потом – деда и бабуся. Какой-то модный французский документалист решил снять фильм о них. Конечно же, мне его сосватали: придет, мол, всё расскажешь, всё покажешь...

Вечером, в номере, Вова задумчиво сказал:

– Кажется, как будто вы не совсем родные...

– Ну что ты! Самые что ни на есть родственники. Просто

большую часть жизни я провёл с бабусей и дедом. Родители были на дипломатической работе. Виделись редко...

– А что они про наследственность говорили?

– Когда я на журфак поступил, родители обрадовались: наконец-то серьёзным человеком станет, будет международником... Сцену они считают несерьёзным занятием. Но я-то вырос среди актёров и киношников! Наверное, поэтому на тиви себя хорошо чувствую. А родители всё надеются – за ум возьмусь...

– А мы к Жаку сегодня поедем?

– Что, понравилось?

– Ну, надо урок закрепить, – смутился Вова.

Мы поехали к Жаку. Долго стучали в дверь. Наконец с недовольным видом он открыл.

– У меня клиенты...

Но, увидев нас, просиял:

– Один момент, мсье!

Через несколько минут из дверей вышли два пожилых японца и церемонно с нами раскланялись.

– Что ты им сказал? – спросил я у араба.

– Что русская мафия приехала!..

Урок повторился. И, конечно, не только урок...

На третий день, наконец, маэстро остался доволен результатами работы. Съёмки закончились. Встречающая сторона выплатила нам аванс, выразив надежду на сотрудничество в дальнейшем. Окончательный расчёт предполагался после

выхода плаката.

– А не кинут? – засомневался Вова.

– Что ты! Это серьёзная контора...

– А по магазинам мы пойдём? – спросил он, смущаясь.

– Ну, если ты хочешь...

Лучше бы я этого не говорил! Мы побывали, наверное, во всех парижских магазинах, торгующих мужским бельём. Вова выбирал, прикидывал, морщил лоб и... покупал. В какой-то момент я понял, что ещё чуть-чуть – и придётся заказывать контейнер.

– Сокровище моё, а зимой по улице ты собираешься тоже в трусах ходить? – ядовито спросил я.

– Нет... ну... – замялся Вова, с сожалением откладывая очередную пару трусов. И, наконец, мы пошли примерять пальто...

По прилёте в аэропорту таможенница удивлённо уставилась на чемодан, полный трусов.

– На продажу везёте? – с подозрением спросила она.

– Да нет, себе...

Таможенница непонимающе уставилась на Вову. Пришлось вступить за мальчика:

– Понимаете, он фотомодель и...

– А! – оживилась тётка. – Так это вас я видела в клипе, ну, где ещё поют: «Ты такой недоступный...» Вы мне фото не подпишете?..

Я подсунул Вове одну из фотографий, которые на всякий

случай напечатал про запас, и он чиркнул на ней что-то...

– Вот так и приходит слава! – съехидничал я, когда мы садились в машину.

Вова просиял.

Дома нас встретил недружный кошачий хор. Звери были явно голодными.

– Что же, Виталик вас не покормил?

Пока я пошёл кормить зверей, Вова потащил чемодан со своими сокровищами к шкафу, чтобы разложить их по полкам...

– Александр Владимирович! – вдруг раздался Вовин вопль. – Смотрите!..

– Ну, что ещё? – недовольно спросил я. – Что, трусы не доложили?

Трусы были на месте. Вова тыкал пальцем в шкаф. Там, среди аккуратных стопочек белья, аккуратно же лежал большой пистолет с глушителем.

– Что будем делать?

– Позвоним Петровичу... Надеюсь, ты не трогал пушку?..

Петрович приехал с целой бригадой. Они всё осмотрели, всё проверили. Молодые оперативники с интересом уставились на Вовин чемодан.

– Чего они так смотрят? – тихо спросил он у меня.

– Такого количества трусов, наверное, даже продавщицы в бутике мужского белья никогда не видели!

– Да ну вас! – обиделся Вова.

Как и ожидалось, пистолет был девственно чист. Следов взлома двери тоже не обнаружили. Единственное, кто-то пытался крутить ключ не в ту сторону, и довольно упорно.

– Ты, случайно, не перебрал накануне? – с подозрением спросил Петрович. – И крутил не туда...

– И часто ты видел меня перебравшим? И вообще, мы только из аэропорта...

Петрович заставил меня вспоминать, у кого есть ключи от моей квартиры. А чего здесь вспоминать? У меня и у Витальки...

– У какого ещё Витальки? – спросил Петрович.

– Повар. Он готовит и убирает иногда в квартире...

– И давно он здесь был?

– Судя по тому, что кошки голодные, – давно...

– А позвонить?..

Я набрал Виталькин номер. Мобила не отвечала.

– Адрес, домашний телефон?..

– Адреса не знаю, а телефон... Где-то был записан...

– И как при твоей работе можно быть таким неорганизованным! – возмутился Петрович.

– Что ты имеешь в виду?

– Твою телефонную книжку. Она же всегда чистая! А телефоны могут быть записаны на чём угодно: на ресторанных салфетках, сигаретных пачках, каких-то обрывках... Что, трудно переписать их в книжку?..

– Те, по которым я звоню хотя бы раз в неделю, я и без

записи помню... А переписывать... Ну, лень...

Наконец я нашёл то, что искал. И вообще он был не на салфетке, а на листочке из тетрадки в клеточку. И откуда я такой взял?.. Со школы тетрадями не пользуюсь. Потом понял: это Виталька записал и оставил мне.

– Позвонишь сам или мне?

Петрович доверил мне эту важную миссию.

К телефону подошла Виталькина мать. Плача, она сказала, что его уже два дня нет дома. И на работе тоже не видели... А он такой ответственный!

Да уж, он всегда обязателен до занудства...

– Сейчас Наташа придёт, наверное, придётся заявление подать... – Она снова заплакала.

Наташа – это, видимо, Виталькина сестра.

– Знаете, – сказал я, – может, я сам займусь поисками? При моей работе это достаточно несложно... Я вам обязательно перезвоню.

Петрович скривился:

– И как это несложно?..

– Как-как: берёшь телефон и звонишь, – пробурчал я.

– Вот и займись этим. У меня есть дела и поважней. Только – без самодеятельности. А вопрос я буду держать на контроле...

В трёх моргах меня любезно пригласили приехать – там имелись подходящие неопознанные трупы. В нескольких больницах тоже были пациенты без документов и без созна-

ния...

Мы начали с моргов. Я опасался, что впечатлительный Вова туда не пойдёт, и ошибся. Он очень спокойно вошёл и даже подвинул какой-то труп, чтобы было лучше видно...

На мой недоуменный взгляд ответил:

– Я всё-таки иногда ходил в институт. А там анатомию проходят...

Слава богу, в моргах Виталика мы не нашли. Но не нашли мы его и в больницах. Когда уже собирались уходить из последней, бабуся-регистраторша спросила:

– А вы в седьмой не были?..

– Но такой в справочнике нет...

– А её недавно открыли, в новостройке. Вот и в справочник ещё не внесли...

Добрая бабуся рассказала нам, как туда проехать, и мы отправились к чёрту на кулички.

В седьмой нам без лишних слов предъявили забинтованного пациента. Это был Виталик...

И как он сюда попал? Без машины, а её у Витальки никогда не было, в такую даль, наверное, на пяти автобусах надо ехать, с пересадками.

– Что с ним? – спросил я у врача.

– Перелом челюсти, сотрясение мозга, два ребра сломаны, множественные гематомы...

Я с трудом вспомнил, что гематомами синяки называются.

– И каков прогноз?..

– Понимаете, – замялся доктор, – пока мы не знали, кто это, делали только поддерживающую терапию. Лечение, знаете ли, требует дорогостоящих препаратов...

Я выложил на стол несколько зелёных бумажек.

– Хватит?

Тот молча смахнул их в ящик стола и заверил, что операцию сделают сегодня же...

– А он в сознание приходит?

– Он в сознании, просто почти всё время спит...

Перед уходом мы снова заглянули в палату к Виталику. Он открыл глаза и со страхом посмотрел на Вову. Потом перевёл взгляд на меня и попытался что-то сказать. Было видно, что любые усилия причиняют ему жуткую боль. Он закрыл глаза. Потом снова их открыл и показал на мой нагрудный карман.

– Ему чё, деньги нужны? – удивлённо спросил Вова.

Я тоже сначала не понял.

– А... может, ручка?

Я протянул Витальке ручку и блокнот. Он, подолгу думая над каждой буквой, наконец вывел нетвёрдой рукой: «Лёха. Сил». И снова закрыл глаза.

– Хватит, хватит, вы его утомили, – сказала юная медсестра, выпроваживая нас из палаты. Больше всего ей понравилось выпроваживать Вову, она даже похлопала его чуть пониже спины.

– Что за Лёха Сил? – спросил он меня в коридоре.

– Сил... Сил... Может, «Силвер»? Так бар называется, где Виталик поваром работает.

– А Лёха?

– Поехали туда, узнаем...

– Вам же сказали: без самодеятельности.

Вздыхнув, я позвонил Петровичу. Тот не отвечал.

– Видишь, его нет. Поехали. Зачем время терять?..

В «Силвере» всесильная зелёная бумажка быстро помогла освежить память швейцару. Он сказал, что Лёха здесь только один – официант, и показал столики, которые тот обслуживает.

Лёха оказался тощеньким пацаном с бегающими глазками и фальшивой улыбкой.

Мы сделали заказ (заодно и пообедаем!).

Всё тот же швейцар, даже без дополнительных денежных вливаний, любезно сообщил, когда у Лёхи заканчивается смена.

Мы въехали во двор и стали ждать...

Наконец появился Лёха. Бог мой! На нём висело столько дешёвой бижутерии, что любая цыганка позавидует!

Мы вышли из машины.

– Вы чё, мужики? – испугался тот. – Я же вас не обсчитал...

– Сейчас ты нам расскажешь всё, что знаешь про Виталика...

– Да ничё я не знаю, – захорохорился тот. – Чё пристали...

Вова вздохнул и одной рукой поднял Лёху за шиворот кожаной куртяшки. Тот задрогал ногами.

– Ну чё пристали!..

– Так ты будешь говорить?..

– Ну не знаю я ничего! На работу не ходит, телефон не отвечает!

– А, так, значит, ты всё-таки ему звонил!

– Ну, мы же типа друзья...

– Ага, ребята-голубята, – буркнул Вова.

– Ну, отпустите! – снова завопил Лёха.

– Говорить будешь?..

– Ну, в общем... Клиент тут у меня был. Мужик так себе, никакой, но платил исправно. Потом говорит, познакомь, мол, со своим другом, он мне понравился... Я говорю, он не такой, знакомиться не станет... А тот – я тебе заплачу, ты уж постарайся... Я Витальке сказал – тот развыступался. Я, говорит, тебе не шлюха, что ты меня подкладываешь кому попало?.. Во дурак, а то бабки ему не нужны! Ну, я клиенту говорю – мол, не согласен. А тот всё не отступает. Давай, говорит, я сам попробую. Где его встретить можно? Я говорю, на кухне вам вряд ли будет удобно. А после работы он ещё к кому-то домой ходит... Он говорит – а ты узнай, я его во дворе подожду...

Тут Виталька как-то после работы засобирился опять, говорит, хозяин уехал, так что освобожусь скоро. Я приколотся, типа возьми с собой, посмотрю, как богатые живут... А

он – ты чё, я этим местом дорожу, хозяин выгонит... Упёртый оказался. Ну, я проследил, куда он пошёл – трудно, что ли? Позвонил клиенту. Тот к дому подъехал, мне бабки дал, говорит, ты нам не мешай, я уж как-нибудь сам договориться попробую... Ну а мне чё? Я и поехал...

– И сколько же он тебе дал, тридцать сребреников?

Лёха удивлённо уставился на меня:

– Не... Он баксами всегда платил.

– Значит, друга ты продал и спокойно пошёл дальше. А потом?..

– А чё потом? Он на работу не вышел, ну, я позвонил – не отвечает. Думаю, уломал его, наверное, мужик, зависли где-нибудь. Клиент-то тоже не отвечает...

– Он его не уломал. Он его убил. Теперь прикинь – что тебя ждёт...

– Да вы чё? Зачем ему Витальку-то убивать?

– Ему ключи были нужны от квартиры. От моей...

– Так это вы – хозяин?

– Я. Тебе есть куда уехать?

– Зачем? – испугался Лёха.

– Ну, если он из-за ключей убил, то уж тебя, который его видел, и подавно грохнет...

Лёха задумался.

– Да не, у нас типа любовь. Вы меня, наверное, на понт берёте...

– Ага, приколотся решили над бедным мальчиком. Мы

тебя предупредили, думай сам...

Лёха быстро убежал. Мы сели в машину.

– Как думаешь, уедет? – спросил я Вову.

– Не думаю. У него, поди, таких клиентов...

Я усмехнулся.

– А чего вы смеётесь, – вдруг взорвался Вова. – Думаете, легко так деньги зарабатывать? Конечно, вам никогда не надо было шлюхой становиться. – И он сжал кулаки. – И вообще, что вы со всеми возитесь – со мной, с Виталькой, с Лёхой этим...

– Всё сказал? Ну, во-первых, насчёт шлюх. У меня, знаешь ли, вторая по древности профессия. Так что все мы в какой-то степени шлюхи. А во-вторых, почему вожусь... Я тут, как ты понимаешь, сторона заинтересованная. И пистолет, кстати, подбросили мне...

– В мои трусы?..

– Ну, на них же не написано, что это твои. Вряд ли он их рассматривал и размер сравнивал. А ты, насколько я помню, у нас убитым числишься, и... – Я задумался. – А ведь он, скорее всего, думает, что это я тогда в соседней комнате был!

– Зачем?..

– Ну, может, я извращенец. Или, скорее всего, ревновал. Тогда многое становится понятным... А ты считаешь, что тебя, голого и испуганного, надо было в гараже бросить? Какая-нибудь старая истеричка, вроде Тамары Ивановны, непременно бы позвонила в ноль два... Вот бы Петрович об-

радовался! Готовый убийца – пристрелил из ревности и пытался скрыться...

Вова засопел и... ну, конечно же, – прижался к моей груди!

Я наконец дозвонился до Петровича и бодро отрапортовал, что Виталик найден.

– Представлю вас к правительственной награде, – пообещал тот.

На следующий день Петрович назначил нам встречу в больнице. Витальку прооперировали и к нему не пускали. Я по телефону успокоил его мать, пообещал, что, как только разрешат, привезу её.

Петрович с пристрастием допросил врача. Тот мало что знал. Какой-то собачник утром нашёл в лесополосе, думал, труп, оказался живой. Привезли в больницу...

– А когда можно будет с ним поговорить?

– Думаю, недели через две, при благоприятном прогнозе...

Петрович тихо выругался.

– Ну, какие планы, коллеги? – поинтересовался он у нас.

– Может, в бар завалимся? – предложил я.

– Ну, если вы приглашаете...

В баре мы хорошо посидели. Лучше всех – Петрович. Если бы не Вова, до машины я бы его не дотащил.

– А вы знаете, куда везти?

– Нет. Сейчас спросим...

Но Петрович важно сообщил заплетающимся языком, что его адрес – служебная тайна. Наконец, после долгих уговоров, он раскололся. Мы доставили его до дверей квартиры, помогли отпереть замок и проследили, чтобы лёг на диван. Свой долг перед доблестными правоохранительными органами мы выполнили.

Утром злой Петрович появился в телецентре. «Ну да, голова с бодуна гудит...» – подумал я.

– Петрович, тебе, может, пива принести?

Тот махнул рукой.

– Я же просил: никакой самодеятельности...

– А мы что?.. Всё как ты сказал...

– А в «Силвере» что делали? – ехидно поинтересовался он.

– Как что? Витальку искали. Он же там работает, – как можно более непосредственно сказал я.

– Ну, ну... А вы знаете, что там официанта убили, Лёху?

– Это не мы! – в один голос завопили мы с Вовой.

– Да знаю, что не вы, – поморщился от наших воплей Петрович. – Чего орёте! У вас алиби железное. Вы в это время вместе со мной в баре оттягивались...

– Его тоже застрелили? – скромно поинтересовался Вова.

– Да нет, его, как и Витальку, долбанули чем-то по голове. Только на этот раз без ошибок...

Когда Петрович ушёл, я сказал:

– Жалко дурака, но что мы могли сделать?.. Может, надо

было его насильно к себе домой увезти?..

– Александр Владимирович! – завопил Вова. – Вы что, в самом деле весь мир хотите спасти? Мы же его честно предупредили! Если дурак – то это надолго!

– Может, на дачу махнём, попаримся?

– Что я слышу! Вы же не любите туда ездить. Кстати, почему?

– Воспоминаний слишком много... Но это уже позади.

– Как это?

– Не знаю, Вова, не знаю. Просто, когда мы были с тобой там прошлый раз, я... в общем, воспоминания ушли...

– Господи, как здесь всё запущено... – вздохнул Вова.

После бани мы сидели у камина.

– А здесь что, кого-то убили?.. – вдруг спросил он.

– С чего ты взял?

– Не знаю... Атмосфера... Я где-то читал...

– Вова, ты всё что-то не то читаешь! Насчёт убили – вряд ли, а вот арестовывали – наверняка. Эти дачи построили в начале тридцатых, для номенклатуры средней руки. Здесь жил какой-то чин из НКВД, потом его, как водится, расстреляли, дачу отдали снова какому-то энкавэдэшнику. Но и тот здесь долго не прожил... Потом дачу отдали моим деду и бабушке. Бабуся, кстати, тоже говорила о неприятной атмосфере. Когда они сюда первый раз приехали, ощущение было такое, что люди просто вышли – влажные полотенца в ванной, раскрытые ноты на рояле, какая-то еда на плите... В той

пристройке, где потом баню сделали, тётка ещё жила, видно, родственница прежних владельцев. По двору ходили куры и утки...

Бабуся поёжилась, сказала, что здесь ей как-то неуютно. Молодой энкавэдэшник, который их сопровождал, понял всё по-своему. Сказал: да вы не беспокойтесь, тётку выселим скоро, кур уберём, в доме ремонт сделаем, кинозал оборудуем. Уже есть соответствующее указание... Понятно, что отказаться от такого подарка тогда бы никто просто не посмел...

– А ваши родственники тогда не пострадали?

– Дед инфаркт заработал. В доме, где они жили, обитали партчиновники, писатели, артисты. Каждую ночь за кем-нибудь приезжали... И все слушали: на каком этаже лифт остановится. Вот когда лифт остановился на том этаже, где дед с бабулей жили, он понял: это за ним... А они вошли в соседнюю квартиру. Ну, сердце и не выдержало.

Пострадала дедовская сестра. Они с мужем были врачи, работали в наркомате здравоохранения, кажется, это так тогда называлось, их обоих и арестовали... Детей спасла домработница, увезла к себе в деревню, сказала, что её. Там, конечно, слухи пошли: мол, в столице нагуляла... А когда родителей реабилитировали, она вернулась с детьми. Правда, дедовская сестра недолго прожила после лагерей. Рак желудка...

– А... ну, ведь дед-то был уже известным тогда, как сейчас

суперзвёзды. Он не мог заступиться?..

– Насколько я знаю – нет. Это было жуткое время. Если сидели жёны ближайших соратников Сталина, о чём можно было говорить... Наверное, поэтому в старых домах такая специфическая атмосфера. Атмосфера страха... Ладно, хватит о грустном. Пойдём, что ли, кино посмотрим...

Французы долго себя ждать не заставили. Во всех парфюмерных бутиках появился большой плакат с обнажённым Вовой, который выходил из расступившихся волн морских. Мы, наконец, поняли, в чём принимали участие.

Наше представительство фирмы закатило грандиозную презентацию. В программе предполагалась и пресс-конференция с Вовой.

– Ё-моё, – тут же выдал он, – что ж я там говорить буду?..

– Говорить буду я. А ты сиди с умным видом, поддакивай иногда, глазки строй смазливеньким журналисткам. Только сильно не увлекайся!

– А что мне надеть?

– В меру прилично и чтобы достоинства подчеркнуть...

– Достоинства из-под стола не видно будет, – съязвил Вова.

– У тебя одно на уме. Я имел в виду широкие плечи и накачанные мышцы.

Наконец, после долгих раздумий, Вова облачился в лёгкий белый костюм и чёрную сетчатую майку.

Так мы и появились перед журналистами. Девушки подняли

такой вой и визг, что их пришлось успокаивать охране. Наконец все расселись. Посыпались вопросы. Защёлкали фотоаппараты. Спрашивали в основном про съёмки в нашумевшем клипе, предпочтениях в одежде и парфюме, ну, и в сексе, конечно. Один, нетрадиционной ориентации, сильно интересовался – с кем Вова предпочитает проводить досуг. Я ответил, что у восходящих звёзд досуга не бывает...

Тут какой-то умник вонючий, с козлиной бородёнкой, проблеял:

– А правда, что вы в стриптиз-клубе выступали?..

Вова настороженно посмотрел на меня. Я пожал плечами.

– Правда...

– А что-нибудь показать слабо?

Они плохо знали Вову! Он встал, сбросил пиджак, выдал пару движений, из тех, которым научился у Жака, потом, несколько раз повернувшись вокруг своей оси, сбросил и майку. Девицы визжали. Но это было ещё не всё... Он снова повернулся и, оказавшись задом к публике, приспустил штаны – ровно настолько, чтобы была видна резинка откутюрных стрингов. Обернувшись через плечо, подмигнул.

Зал взвыл. Народ ломанулся к сцене. Охранники еле сдерживали толпу. А Вова поклонился, оделся и как ни в чём не бывало снова сел за стол.

Я обратил внимание на полногрудую девицу со слишком глубоким вырезом и в слишком короткой юбке, которая сидела в первом ряду. Полуоткрытые чувственные губы, она, не

моргая, смотрела на Вову. По-моему, даже диктофон забыла включить. Она видела своё божество и была на седьмом небе от блаженства...

– Ну, на этой оптимистичной ноте мы и закончим нашу встречу! – сказал я, и мы удалились под дружное улюлюканье девиц.

– Я всё правильно сделал? – спросил Вова.

– Да ты просто талант!

Вова смутился.

В машине он взмолился:

– Можно я разденусь?

– Боюсь, нас неправильно поймут...

– Ну, хоть разуюсь!..

– Это – сколько угодно. Ты что, обувь не по размеру купил?

– Да нет, нормально. Узкие только туфли, не разносились.

Я же больше в кроссовках привык...

– Разнашивал бы дома!

Вова захихикал.

– Представляю: голый и в обуви!..

– Много ты понимаешь! Очень даже эротично!

Он только махнул рукой: что, мол, с больного взять!

Виталька постепенно оживал. Мы привозили к нему мать и сестру. Кормили его пока через трубочку. Он был ещё очень слабым, но взгляд – вполне осмысленный. Врач сказал – скоро разговаривать сможет.

В очередной наш приезд мы заметили у Виталькиной палаты какого-то мужика. В халате, как все посетители, он стоял лицом к двери, явно собираясь войти...

– Кто это? – спросил я.

Вова пожал плечами.

– Может, из бара?..

Услышав наши голоса, мужик вдруг поспешно отошёл от двери и быстро двинулся в конец коридора. Его лица мы так и не увидели.

– Это он... – вдруг прошептал Вова.

Я понял, о ком он говорит.

– Догоним?..

Но Вова стоял, как зачарованный. Мужика же уже и след простыл.

– Вова, очнись. Ты уверен?..

– Spина точно его...

– И что делать будем?

– Может, вы Петровичу позвоните?

– И что скажу? Ты, мол, внезапно ожил и убийцу по спине узнал?

– Но он ведь явно приходил Витальку убить...

– Может, увезти его отсюда?

– Куда?

– Не знаю. Надёжнее всего – домой...

– Но ведь за ним уход нужен...

– Наймём кого-нибудь...

Врача наша просьба особо не насторожила.

– А забирайте. При надлежащем уходе даже быстрее оживёт...

С величайшими предосторожностями мы погрузили Витальку в скорую, которую наняли тут же, за недорого, вместе с медперсоналом. А ухаживать за больным в свободное от работы время согласилась девица, которая нас в своё время выпроваживала из палаты. Это обстоятельство очень порадовало Вову...

Вскоре вышли и публикации о нашей пресс-конференции. Вовин тыл украсил десятка полтора жёлтых обложек. А две серьёзные критикессы разнесли в пух и прах... меня. До чего докатился, уже начинающих порнозвёзд в мир выводит!.. А какие надежды подавал! Счастье, что дедушка с бабушкой не дожили...

Вову эти перлы задели за живое.

– Может, им морду набить? – спросил он, преданно глядя мне в глаза.

– Ты что, будешь пожилых тёток избивать?.. – рассмеялся я. – Да не бери в голову. У них работа такая. Одни пишут «за», другие – «против». Не скажу, что мы лучшие друзья, но поддерживаем вполне приличные отношения. Вне работы, конечно... Я их лучше в своё шоу приглашу и под орех разделаю. И мне очки, и – им...

Вова изумлённо уставился на меня.

– Ты привыкай. В мире, в который ты тоже вошёл, это –

норма.

– Да ну вас! – махнул рукой Вова. – Я так не умею: в глаза улыбаться, а за спиной кулаки держать...

– Придётся учиться, – вздохнул я.

Медсестра регулярно навещала Виталика. Вова ей активно помогал. Они даже несколько раз слишком долго мыли руки в ванной...

Не отличавшийся особой упитанностью Виталька (и как ему это профессиональная гордость позволяла?) был теперь очень похож на скелет. Но он уже больше бодрствовал, понемногу шевелился и даже иногда улыбался, правда, глазами. Его матери и сестре я сказал, что его перевели в закрытый реабилитационный центр (интересно, такие существуют?). Они расстроились... Но правду сказать я побоялся – мало ли что?

Петрович заставил меня, атеиста в четвёртом поколении, побожиться, что как только Виталька заговорит, я поставлю в известность его – в любое время дня и ночи...

Я скромно сказал, что гадом буду.

– Да ты уже давно он и есть, – вздохнул Петрович.

И что он имел в виду?

Случайно столкнулся в телецентре со знакомым режиссёром – Леонид Иванович когда-то у деда ассистентом был.

– Вот, Сашка, на сериалы перешёл, – пожаловался тот.

– И про чё кино?

– Известно про чё – про бандитов... А фактуры – ника-

кой. Приходят какие-то мальчишки-заморыши. Какие же из них мафиози?

– Ну, фактуру я вам предоставлю!

– Ты что, продюсером заделался?

– Да так, балуюсь по необходимости...

– Понятно. Ну что ж, приводи свою фактуру на пробы. Да, проект у нас малобюджетный, так что приходите со своей одеждой...

– Будешь в кино сниматься! – обрадовал я Вову.

– Да вы что! – округлил он глаза. – Там же разговаривать надо!

– Ну, не так уж и много. Это же не театр. Снимают эпизодами. Текст заранее выучишь. А уж если не будет получаться – тебя кто-нибудь озвучить сможет. Уж поверь моему опыту...

– Вы и в кино снимались? – удивился Вова.

– Иногда. В эпизодах. Я почти каждое лето с дедом в киноэкспедиции уезжал. Ну, там если надо было какого-нибудь малолетку снять – брали меня. И искать не надо, и учить не требуется...

– Я всё равно боюсь...

– Да хватит тебе! Пора Голливуд покорять!

Одевшись как, по нашему представлению, настоящий мафиози, главное – побольше драгметаллов, мы поехали на пробы.

Дядя Лёня, глянув на Вову, завопил:

– Вот это типаж! Снимаем без проб!

Вова насторожился.

– Ты, главное, не дрейфь. Если будет непонятно, я объясню...

– Ну что, молодость вспомним? – посмотрев на меня, спросил режиссёр.

– То есть?...

– Да в эпизоде надо будет мелкого бандюгана со спины снять. Вот тебя и поставим...

Ну конечно, как главаря мафии – так Вова, а как мелкого бандюгана, да ещё со спины – всегда я...

Сюжетец был простой. Главный бандюган испепеляюще смотрит на мелкого, в чём-то провинившегося, а потом стреляет в него...

Вова напрягся.

– Спокойно, – сказал я. – Пушка игрушечная. Ты меня при всём желании не убьёшь...

– Всё равно боюсь, – прошептал он.

Вову загримировали, мне, скорее для приличия, тоже шею сзади припудрили – зачем зря грим тратить?..

– Мотор!

Вова уселся за стол. Я понуро встал напротив. Он уставился на меня и... вдруг громко заржал.

– Стоп!

– Что с ним? – спросил возмущённый Иваныч. – Он что, из самодеятельности?..

– Сейчас разберусь, – ответил я. – Это что такое?

Вова виновато посмотрел на меня.

– Я вас таким никогда не видел! Смешно...

– Это же работа! Ты что! Сказали, смотреть испепеляюще – смотри. Помни – сейчас ты бандит. Жутко крутой и жутко страшный... А я – мелкая шестёрка. Крыса. Понял?

– Да. Только... – Вова замялся.

– Что ещё?

– Я же не привык в одежде сниматься! – прошипел он.

Я засмеялся.

– Ты забудь про одежду. Представь, что её на тебе нет...

– А голые бандюганы бывают? – засомневался Вова.

– Может, они в бане...

И мы дружно заржали.

Режиссёр с сомнением посмотрел на нас.

– Ну что, готовы?

– Готовы!

– Мотор!

В конце концов съёмка прошла нормально. Вова вошёл в образ, даже пистолета не испугался. Я вполне натурально упал после «выстрела».

– Ну что, понравилось? – спросил я у Леонида Ивановича.

– Сыроват, конечно, но с твоей помощью выдюжим. Ты, может, кино займёшься? Пора семейное дело продолжать!

– Я уж как-нибудь потом...

– ...А что это было? – спросил Вова, когда мы ехали до-

мой.

– ?

– Ну, когда вы мне объясняли на площадке, что я – бандюган. Я аж поверил...

– Основы актёрского мастерства, – засмеялся я. – В институте кинематографии этому пять лет учат. А у нас с тобой – ускоренный курс молодого бойца.

– Вы думаете, у меня получится? – с сомнением спросил Вова.

– А куда ж ты денешься!..

– Он заговорил, – встретила нас дома медсестра, строя Вова глазки.

Виталик издавал какие-то нечленораздельные звуки:

– Ва... выу... вы-ы...

Как я с трудом понял, он хотел спросить: не обижаюсь ли я на него?

– Ну что ты! Ты ни в чём не виноват!

Он снова выдал какую-то сложную тираду. В конце концов до меня дошло, он интересуется – чем мы питаемся.

– Полуфабрикаты покупаем и разогреваем в микроволновке.

Он с сожалением покачал головой.

– Ничего, скоро ты снова начнёшь нас деликатесами пичкать!

Виталик слабо улыбнулся.

Вова осторожно спросил у девицы – она для него теперь

была главный эскулап:

– Он что, всегда так разговаривать будет?

– Нет. Постепенно вернётся нормальная речь... Позаниматься, конечно, придётся.

Вова выразительно посмотрел на меня.

– Да, с тобой буду актёрским мастерством заниматься, с ним – актёрской речью. Кто бы мог подумать, что у меня начнётся такая насыщенная жизнь!

Помимо телецентра, мы теперь с Вовой ездили ещё и на съёмки. Меня, слава богу, больше не задействовали в творческом процессе. Его же роль была несложная: Вова, поигрывая бицепсами, угрюмо смотрел на бандюганов, важно размахивал своим большим пистолетом, изредка выдавая многозначительные тирады.

Перед каждой сценой я популярно объяснял, что надо делать. Леонид Иванович хватался за голову от моих режиссёрских выкладок, но стоически терпел – Вова слушал только меня...

– Они надо мной смеются, – буркнул он как-то в перерыве.

– Кто? Опять эти умники из новостийной службы?

– Нет. В киногоруппе...

– И что на этот раз? Фильмы Такеши Китано?..

– Какой ещё Такеша? Я роль читал. Я же медленно читаю.

И губами шевелю... А они: смотри, одну страницу уже час читает!..

– И ты снова закомплексовал... Надо было достойно от-

ветить, как в прошлый раз.

Он только махнул рукой.

– Понимаешь, Вова, ты теперь – публичная личность...

– Александр Владимирович! – заорал Вова. – Не обзывайтесь!

– Да успокойся. Это вполне прилично. Это значит, что ты теперь – узнаваемый человек. Про тебя теперь всегда что-то говорить будут, и не всегда приятное. И пальцами на улице показывать тоже будут... Воспитанием, увы, наши люди похвастать не всегда могут. Так что привыкай... Ну, а что касается чтения... Первое упражнение – когда читаешь, зажимай между губ карандаш. Освоишь – продолжим.

Да, теперь ещё придётся учить Вову основам рационального чтения... Может, мне сменить фамилию на Песталоцци?..

Занятия с Виталиком продолжались. Он уже более-менее членораздельно говорил, стал понемногу вставать. Спрашивал про мать и сестру. Я сказал, чтобы не волновался. Лучше, если пока они не будут видеться. Он понимающе кивал. Только из глаз, как будто сами по себе, текли слёзы...

– Фигня, Виталик, прорвёмся...

Господи, когда же я найду этого ублюдка?.. Ну почему большой и сильный Вова, как маленький мальчик, хватается меня за руку всякий раз, когда мы входим в незнакомое помещение, почему бесшабашный Виталька, который работал в баре и у меня, чтобы содержать мать и сестру, похож на

привидение, почему заводная Люська лежит в земле рядом с каким-то пацаном, вся вина которого состояла в том, что он трахался за деньги?.. Почему всякий раз, приходя домой или приезжая на дачу, мы проверяем с Вовой все закоулки?.. Нет, так можно с ума сойти! Выходи, гад, я тебя не боюсь!

– Мне звонили из толстого журнала, – важно сказал Вова. – Хотят сделать интервью и фотосессию. В интерьере квартиры...

– Здорово. И что же мы им покажем?.. Здесь уже сто лет никто уборку не делал, с тех пор как Виталик...

– Да, у нас нельзя, – просто сказал Вова. – Да и Витальку побеспокоят. Отказаться?..

– Ты с ума сошёл? Это же такой промоушен!..

– ?..

– Ладно, потом объясню. Надо что-нибудь придумать... Можно снять тебя в тренажёрном зале. Будет, по-моему, вполне достойно.

– А что я им буду говорить?

– Ну, это я беру на себя. А ты договаривайся с тем юным экзекутором из зала, который заставляет меня тягать железо...

Две девицы из журнала встретились с нами в зале. Та, что была с фотоаппаратом, занялась с Вовой, а я стал другой давать ответы на вопросы. Она была несколько удивлена, но покорно записывала. А вот её подруга... Увидев раздетого Вову, остановила намертво взгляд и напрочь забыла про ка-

меру... Пришлось руководить...

Вова позировал на тренажёрах, в бассейне, раздевалке... Но сцена в душе опять повергла девицу в шок: увидев его тыл, она так и застыла. Пришлось вновь призвать фотокоршу к порядку.

Наконец мы закончили. Фотографша изъявила желание попробовать новый тренажёр. Вова с радостью согласился ей помочь. Судя по раздававшимся звукам, они там занимались совсем другим тренингом...

Девицы отбыли. Одна – умиротворённая, другая – злая. Но, в конце концов, это её проблема.

Приехали документалисты из Парижа. Они сняли дачу, записали интервью со мной, пересмотрели кучу фотографий и даже Иваныча задействовали – чему тот был бесконечно рад.

– Мсье ваш родственник? – спросили они, указывая на Вову.

– Да, – засмеялся я, – брат-близнец.

Французы ошарашенно уставились на нас. Ну не понимают они русского юмора!..

На следующее утро я проснулся от каких-то странных звуков. Нет, Вова спал рядом и пока не сотрясал пол своими отжиманиями. Что же тогда? Шум доносился из кухни. Так и есть! Виталька как ни в чём не бывало шинковал помидоры и огурцы для салата. Такой специфический звук может издавать только нож профессионального повара!

– Виталик, ты зачем встал?

Он виновато посмотрел на меня:

– Не могу больше валяться. Я от безделья скоро озве-
рею...

– Но тебе же нельзя утомляться!..

Он умоляюще посмотрел на меня:

– Я немножко, хорошо?..

Я развёл руками.

В кухню ввалился заспанный Вова. Посмотрел на Виталь-
ку – и расплылся:

– Ну наконец-то по-людски позавтракаем!

Он подошёл к Витальке и прижал того к себе. У нашего
сентиментального повара тут же потекли слёзы.

– Да брось ты! – сказал Вова. – Мы теперь всех победим...!

Какие-то смутные сомнения не покидали меня уже кото-
рый день. И вот опять... Что же, что?.. Кухня... Виталька...
Вова... Ну да, он прижал его к себе... Спина... Да, спина!
Тогда, в больнице, Вова узнал мужика со спины. Но и я где-
то видел эту спину! Вот только где?..

Девушка из журнала привезла текст интервью на вычитку.

– Понимаете, – она замялась. – У такого человека с яр-
кой внешностью не слишком яркое имя. На обложке не будет
смотреться... Может, стоит подумать о псевдониме? Время
ещё есть...

Идея псевдонима вдохновила Вову. Он перебрал всё – от
д'Артаньяна до Зорро.

– Ты ещё Бэтменом назовись!

– Опять прикалываетесь! Я же серьёзно...

– Ага. Знаешь, порнозвёзды на Западе зовутся то Бульдозером, то Молотом... Может, тебе тоже что-нибудь этакое придумать?

– Лом, что ли? Вова-лом... Это не псевдоним, это уже кликуха... Да и в порнухе я не снимаюсь. Из принципа... А может... Мне понравилось, как тот бургер вас называл: «Херр Алекс»...

– Ну, «херр» могут неправильно понять, а Алекс... Думаю, нормально. Можно писать латинскими буквами. Будет стильно...

Так Вова стал великим и неподражаемым Алексом.

Съёмки фильма наконец закончились. В титрах Вова уже значился как Alex. Иваныч было возмущился, как так, без фамилии... А потом махнул рукой. В конце концов, это всего лишь сериал.

Вову стали узнавать на улице. Теперь, по-моему, роль секьюрити исполнял я, отпугивая от него слишком рьяных поклонниц.

Дамы-критикессы, разделав, как полагается, сериал, прошли по Иванычу – докатился, мол, и по мне – мания величия, мало что стал продюсером актёра, который только и может, что бицепсы демонстрировать, так ещё и имя ему своё дал!

– Вот сучки старые! – заржал Иваныч. – Всё не угомонят-

ся!

– Нет, я им точно их сморщенные морды набью! – убеждённо сказал Вова.

– Да, ребята, пора их вызывать на ковёр!

И я пригласил милых старушек к себе на шоу. И что вы думаете? Обе срочно заболели. Конечно, за глаза дерьмом поливать – оно как-то проще...

В тот день всё не заладилось с самого утра. Приглашённые на запись депутаты срочно куда-то улетели, стали искать замену... Мы от безделья маялись с Вовой в гримёрке.

Позвонили снизу: меня спрашивают какие-то иностранцы.

«Опять французы, что ли, приехали?... Только их и не хватало...»

– Вова, мне надо вниз спуститься...

– Хорошо... Только не торопитесь...

– Что, опять сексотерапия?

– Ну, грех отказываться!

Я покачал головой.

– А вы ничего не заметили?

Я оглянулся. Вроде всё на месте...

– Я дверь смазал. Теперь не скрипит...

Этот убийственный звук выводил меня из себя всякий раз, когда открывалась дверь. Уже года два я давал себе зарок купить машинное масло и смазать, наконец, петли. И каждый раз вспоминал об этом, только когда кто-нибудь в

очередной раз вваливался в гримёрку. Особенно отвратные звуки умел издавать, входя, Стасик. Талант – он во всём талант!

– Вова, ты просто подарок судьбы! – сказал я, выходя.

Вова довольно хмыкнул.

...Внизу никого не оказалось. Ни иностранцев, ни отечественных граждан.

Молодой охранник ничего внятного ответить мне не смог.

– Извините, я только сменился...

«И какой идиот так пошутил? Найду – голову оторву...»

Я поднимался к себе. «Да, Вова же просил не торопиться... Погулять, что ли?.. А, не в первый же раз. За ширмочкой опять уединятся...»

Я толкнул бесшумную отныне дверь и застыл. Сексом здесь и не пахло. У окна, спиной к двери, стоял Вова с поднятыми руками. А перед ним, тоже спиной ко мне, уперев в Вову какой-то маленький, как игрушечный, пистолетик, – противный охранник.

– Ну что, – говорил он своим ехидным голосом, – девочку ждал? А тут я! Как я вас ловко обвёл! Один внизу своих иностранцев ждёт – как же, мы же все по заграницам ездим, другой трахаться приготовился... Небось уже и резинку натянул?.. Я вам покажу, как удовольствие получают...

Он явно упивался своей властью над большим Вовой. А я, подумав: «Ах ты, падла! Ты в *моего* Вову будешь какой-то пукалкой тыкать?..», подошёл, стараясь не топтать, и от всей

души сжал пальцы на шее этого недоноска. Что ни говорите, а руки пианистов, даже бывших, – это страшное оружие...

Охранник захрипел и вытаращил глаза. Пистолетик упал на пол. Вова медленно повернулся, увидел меня и, не раздумывая, молча съездил придурку своим кулаком по мерзкой роже. Тот обмяк. Я наконец разжал пальцы. Вова продолжал молча молотить убивца. Я не вмешивался и не останавливал его. Во-первых, желания не было, а потом, я же твёрдо усвоил правило лома...

– Владимир Иванович, отставить! – вдруг раздался строгий голос Петровича.

Потрясённый Вова остановился.

– Заберите это! – Петрович указал парням в масках на бесформенное тело на полу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.